

Ц Е Н Т Р П О Л И Г Р А Ф

Петр Столпянский

Путеводитель по Кронштадту

исторические
очерки

Петр Николаевич Столпянский Путеводитель по Кронштадту: Исторические очерки

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2976895*

*Путеводитель по Кронштадту. Исторические очерки.: Центрполиграф; Москва; 2011
ISBN 978-5-227-03040-5*

Аннотация

Этой работой известный краевед, историк и замечательный знаток Петербурга Петр Столпянский продолжает цикл книг о Северной столице. В нее вошли историко-общественный путеводитель по Кронштадту и интересные авторские статьи разных лет.

Книги Столпянского погружают в историческую культурную среду, дают эффект реконструкции историко-культурной ситуации и вызывают острое чувство сопричастности ей. Перед вами заключительная часть обширного исследования, в котором предстанет не мертвая череда давно прошедших событий и людей, а живое их воплощение в историческом пространстве Санкт-Петербурга.

Историко-общественный путеводитель по Кронштадту П. Н. Столпянского впервые был опубликован в Петрограде в 1923 году.

Содержание

Маршрут следования по Кронштадту	5
Сообщение Петербурга с Кронштадтом	7
Путь в Кронштадт	12
Панорама по пути в Кронштадт	13
Историческая справка о Кронштадте	15
Кронштадт за пять лет революции[1]	17
План Кронштадта и его объяснение	30
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Петр Николаевич Столпянский

Путеводитель по Кронштадту.

Исторические очерки

Маршрут следования по Кронштадту

С пристани по паровой дамбе, по бульвару, до Петровских ворот, отсюда налево по Ильмениной улице до Октябрьской, по которой перейти Обводный канал и снова повернуть налево на Июньскую улицу. По этой улице до парка Свободы, через главные ворота которого на пристань и снова на ту же Июньскую улицу, перейти снова Обводный канал через площадь Мартынова, мимо тюрьмы, до Цитадельских ворот, где подняться на остатки вала.

Отсюда можно идти одним из следующих маршрутов:

Первый, более длинный:

По западному бульвару до Сайдашной улицы, затем повернуть на улицу Троцкого, пройдя по ней квартал, завернуть на улицу Володарского и по ней выйти на проспект Ленина; по последнему дойти до Флотской и по ней через улицу и площадь Рошаля на площадь Революции.

Второй, более короткий:

через улицу Мартынова по проспекту Ленина до Советской улицы, по которой дойдем до площади Революции.

Возвращаться с площади Революции по Советской улице до Интернациональной, затем заворот на Бочарную, по последней до Петербургской – по которой на пристань.

Сборный пункт для экскурсии в Кронштадт – пристань Кронштадтского пароходства на Васильевском острове, на так называемой Николаевской набережной. И пока достаются билеты, пока происходят проверка документов, посадка на пароход, вполне уместна небольшая справка, когда и как было организовано сообщение Петербурга с Кронштадтом.

Сообщение Петербурга с Кронштадтом

31 августа 1721 года появился указ Петра «Об учреждении почты между Петербургом и Котлиным островом». Этим указом узаконялось давным-давно начавшееся сообщение Петербурга с его передовым фортом – Кронштадтом. Сообщение это резко разделялось по времени года: зимой – по льду и летом – через Финский залив, иначе именуемый Маркизовой лужей. Это путешествие на 25 верст по морю считалось далеко не безопасным. Чтобы избежать этого длинного путешествия по воде, Петр стал искать по Финскому побережью такое место, от которого легче и безопаснее достигнуть Кронштадта. Сначала Петр выбрал Стрельну, но и отсюда переехать в Кронштадт было не совсем легко; тогда Стрельна сменилась Петергофом, а потом Ораниенбаумом. В оба эти пункты Петр и другие лица, которым нужно было попасть в Кронштадт, ездили по вновь устроенной Петергофской перспективе и из них уже переезжали Маркизову лужу на небольшом судне. Зимой же дорога прокладывалась прямо на Петербург, когда же была построена Ораниенбаумская железнодорожная ветка, то значительная часть проезжающих отправлялась по льду на Ораниенбаум и отсюда в Питер по железной дороге.

Издав вышеуказанное распоряжение о почте, Петр в том же году велел заготовить в Петербурге «подводы для пересылки почты и писем», а затем было приказано смастерить «почтовые буера» для нужных поездок и перевозов – таким образом, зимой думали перевозить буерами.

Было ли проведено распоряжение Петра в жизнь – мы не знаем, по всей вероятности, оно так и осталось на бумаге, и только с 1734 года опять появилось распоряжение «Об устройстве с наступлением зимы дороги в море, с постановкой на местах, где бывают полыньи, деревянных с перилами мостов и надзоре за исправным их содержанием» и второе, «О возобновлении с наступлением весны почтового сообщения водой между Кронштадтом и Петербургом». С этого времени эти распоряжения повторяются из года в год.

Что первоначальный петровский указ о кронштадтской почте, видимо, позабылся, можно заключить из того обстоятельства, что 2 мая 1735 года повторилось повеление «Об учреждении почты от С.-Петербурга до Кронштадта», и это повеление занесено в полное собрание законов за № 6719.

Как только лед становился крепким, прокладывали дорогу, ограждали ее по бокам вехами. С зимы 1749/1750 годов разрешили «поставить на половине пути избу для обогрева». Так зародился знаменитый впоследствии кронштадтский дорожный кабачок, о котором уже в 60-х годах XIX века, в эпоху так называемых «великих реформ», писали: «Теперь вехи, будки с колоколами, часовые уже поставлены на местах, построен настоящий кабачок на сваях, учреждены многие второстепенные заведения этого рода, а потому зимнее сообщение может считаться совершенно устроенным».

Прогресс в устройстве зимней дороги главным образом выражался лишь в постановке нескольких будок с колоколами; часовые в этих будках во время метели должны были звонить через несколько минут и, таким образом, не давать путникам возможности сбиться с пути.

Петербуржец, желавший проехаться в Кронштадт, отправлялся (речь идет о 1830–1850-х годах) на Козье болото – так звалась нынешняя площадь в Малой Коломне, в которую упирается теперь Торговая улица и на которой возвышается неуклюжий храм Воскресения. На этой площади стояли повозки кронштадтских извозчиков.

Это были крытые возки, запряженные парой небольших чухонских лошадок, коренник под большой расписной дугой, пристяжные наотмашь, с мелкими бубенцами; в кибитке было навалено достаточное количество сена – оно служило и для сидения, и для укутывания

ног. Плата за проезд в такой кибитке бралась от 6 до 10 рублей, смотря по лошадям, состоянию дороги и, конечно, состоянию проезжавшего.

Часа в два, с небольшой передышкой посредине пути, в указанном кабачке, где можно было выпить рюмку водки, съесть пирожок, бутерброд, а в масленичные дни заказать и порцию блинов с семгой или свежей икрой, путник достигал Кронштадта, Петербургских ворот, которые на обратном пути были иногда очень и очень неприятны для путешественника. У этих ворот была таможня. «Вы желали отправиться в Петербург, – так рассказывалось в то время, – нанимаете кибитку, укладываете свои вещи, садитесь и отправляетесь до Петербургских ворот. Здесь вы обязаны выйти из кибитки, открыть ваши чемоданы, саки, картонки, на морозе или в караульном доме, где произведется обыск или обряд таможенного очищения. Лишь вы уселись в кибитку и хотите тронуться в путь, не тут-то было – является новая личность в сером зипуне и с белой бляхой на груди – это уже досмотрщик от пути, который без всякой церемонии начинает длинным железным прутом щупать по всем направлениям кибитки». Только после такого двойного таможенного осмотра пассажир бывшего старого Кронштадта мог выехать из него, а чтобы вернуться в него обратно, он должен был иметь билет или с места службы, или от полиции. Кронштадт, как крепость, считался под усиленной, особой охраной.

Делались неоднократно попытки улучшить зимнее путешествие в Кронштадт. Так, в 1861 году местная газета заявляла: «Мы слышали, что кто-то намерен устроить зимнее сообщение на оленях – но это предположение так и осталось предположением». Затем с того же 1861 года начали не только мечтать, но и делать попытки устроить сообщение по льду помощью железной дороги. Для этого, конечно, выбирали направление на Ораниенбаум. Инициатором такой попытки был некто Солодовников, который зимой 1861/1862 годов предполагал пустить два поезда с платою в первом классе 75 копеек, во втором 50 копеек и в третьем 25 копеек. «Вагон первого класса будет теплый, с камином, обит коврами», – захлебывался от восторга рецензент, но у Солодовникова дальше благих пожеланий не пошло, и его проект осуществился в 1881 году, когда 27 января прошел первый пробный поезд по льду между Ораниенбаумом и Кронштадтом. Но и эта попытка кончилась для устроителей большим дефицитом. Через несколько дней после открытия дороги подул западный ветер, начался ледоход, рельсы железной дороги сдвинулись и пришлось прекратить сообщение.

Затем пытались пускать между Петербургом и Кронштадтом общественные дилижансы – сани-кареты, но и они приносили убыток, и кронштадтский извозчик, несмотря на то, что его звали «лицом мифическим», все же в конечном результате, оставался более надежным способом передвижения. В 1868 году появилась железная дорога на Ораниенбаум, большинство стало пользоваться ею, а оставшиеся между Кронштадтом и Ораниенбаумом 6–7 верст делало по образу пешего хождения, хотя это пешее хождение было не всегда безопасно. Так, в 1862 году машинист одного из хозяйственных заведений Ораниенбаумского дворцового правления, пробираясь ночью из Ораниенбаума в Кронштадт, в темноте попал в полынью, однако же удержался за край льда. Место было неглубокое, но лед был так гладок, что несчастный не мог вскарабкаться. На другой день его нашли замерзшим, по грудь в воде и держащимся за край льдины. Мороз был довольно велик, и кругом труп медленно замерзала вода. На льдине около руки мертвеца были найдены ножик и трубка. Ночь была звездная, и огни Ораниенбаума и Кронштадта были видны с того места, где погиб несчастный.

Но если встреча с замерзшим была, конечно, очень редким исключением, то другие картинки, вроде нижеследующих, были обычным явлением. «Верст с 2-х или 3-х от Кронштадта возле самой дороги лежит, по-видимому, давно павшая лошадь, над трупом которой стаями выются вороны, а обглоданные, красноватого цвета ребра ее производят на путешественников очень неприятное впечатление». Точно так же большой неприятностью для

ездок была встреча с одним из многочисленных торговых обозов, тянувшихся из Петербурга в Кронштадт и обратно. Приходилось, свернув в сторону, ожидать проезда или обогнать этот обоз стороной, по целине. В 90-х годах XIX столетия, впрочем, стали прокладывать две дороги: одну для торговых обозов, другую – для легких подвод.

Сообщение летом при Петре проектировалось с помощью «домшхоутов», затем при Екатерине II в 1777 году велено «партикулярной верфи наблюдать за количеством груза и числа людей, помещающихся на судах, служащих для перевоза между Кронштадтом и Петербургом», а через год появилось и новое распоряжение «о запрещении на шлюпках, имеющих при присутственных местах, перевозить людей из Петербурга в Кронштадт и обратно».

Но, видимо, каких-либо постоянных способов передвижения долго не вводилось. Для казенной почты ездили казенные суда, а частные лица должны были нанимать частные лодки; частной инициативе давали широкий простор. Наблюдали только за тем, чтобы шкипера проходивших в Кронштадт иностранных судов не привозили «частных писем», так как такая перевозка подрывала дело почтамта, приносила ему убытки. Шкиперов приказано было обыскивать и найденные письма направлять в почтамт для оплаты.

2 мая 1806 года началось регулярное сообщение между Петербургом и Кронштадтом. Об этом сообщении делалось такое объявление: «Учрежденные для перевоза разного звания людей с их экипажем между С.-Петербургом и Кронштадтом пассажботы отныне отправляться будут весной и осенью, т. е. с открытия вод по 1 число июля и с 15 августа до закрытия вод, один пассажбот в 9, а другой в 8, а летом, с 1 июля по 15 августа, один в 11, а другой в 9 пополудни, с платой за перевоз офицеров и нижних чинов воинской службы по 15 копеек, с духовных, с дворян и всякого рода людей по 50 копеек с человека, а клади и экипажей по 10 копеек с пуда. Станция их в С.-Петербурге у Исаакиевского моста, в Кронштадте у Итальянского пруда».

Мы, к сожалению, не могли точно установить, были ли эти «пассажботы» частным или правительственным начинанием. Кажется, что последнее вернее. Ходили они, надо думать, на веслах, и путешествие, таким образом, продолжалось довольно долго, но все же обыватели были довольны и не могли нахвалиться на удобное, скорое и дешевое сообщение, установившееся с 1806 года.

Однако «прогресс» шел быстрыми шагами, и «пассажбот» утешал кронштадтцев лишь до 1815 года, когда «господин Берд» построил первый в России «стимбот», – так хотели назвать пароход, но это первоначальное название не удержалось. 3 ноября 1815 года совершена была первая пробная поездка в Кронштадт. Сохранилось довольно подробное описание этой поездки. В 6 ч 55 мин судно отошло от пристани Бердова завода (теперь Франко-Русский завод), в 10 ½ часов пароход пришел к военному углу, следовательно, совершил полный переезд от Петербурга до Кронштадта в 3 И часа. От сего же угла до Купеческой гавани на переход употреблено им 12 мин. «Как таковое парами движущееся судно появилось еще в первый раз на Кронштадтском рейде, то на Купеческую гавань привлечены были многие для любопытства зрители, пред которыми теперь пароход делал небольшие разъезды, объезжая несколько раз вокруг стоящего между Кронштадтом и гаванью брантвахтного фрегата. Г. главному командиру угодно было испытать скорость парохода сравнительно со своим катером, который по легкости хода считается самым лучшим в Кронштадте. Оному приказано было держать от судна в некотором расстоянии и идти за ним на гребле. Когда гребцы действовали обыкновенной греблей, то они прилежно оставались позади, но когда гребли во всю возможную силу, то скорость катера иногда равнялась со скоростью парохода, а иногда несколько превосходила ее, так что они могли на ходу приставать к пароходу.

«В ½ 2-го часа пополудни пошли от ворот Купеческой гавани, через 15 мин. миновали угол Военной гавани и взяли прямой курс. Ветер начал свежеть и вскоре усилился до

того, что на гребных катерах в то время в Петербург ехать было крайне трудно или и вовсе невозможно, а пароходу представился самый лучший случай испытать его достоинства; ибо все было против него: сильный ветер дул против носа, шло изрядное волнение, по небольшой величине судна производившее нарочитую качку, так что в некоторых, непривыкших к морю, приметна была обыкновенная морская болезнь. Пароход шел вперед, разрезая волны, с некоторым уменьшением своей скорости, соответственно увеличению ветра и волнения. На обратный путь употребили 5 час. 22 мин. времени, а в ту сторону 3 $\frac{1}{4}$ часа, посему на совершение поездки в Кронштадт и обратно требуется времени 8 час. 37 мин., т. е. в одни сутки почти можно съездить туда из Петербурга три раза, даже при неблагоприятных обстоятельствах, когда будет противный ветер, как в сей поездке действительно случилось, но при тихих ветрах плавание взад и вперед можно совершить еще успешнее».

После этого пробного плавания каждый год, весной, в середине апреля, на столбцах «С.-Петербургских Ведомостей» появлялось нижеследующее объявление:

«Судно, называемое пароход, по вскрытии водяной коммуникации, будет отправляться ежедневно в 9 часов из С.-Петербурга в Кронштадт, а оттуда обратно в 5 часов».

Затем объявлялось, что летом пароход будет ходить два раза в день: поутру в 9, а ввечеру в 5 часов, т. е. крейсировало два парохода, осенью же снова ходил один пароход, причем из Петербурга он выходил в 8 часов, а из Кронштадта и в 4, и в 3 часа.

Очень любопытны были правила или «Условия, на которых принимаются на пароход пассажиры:

1. Никто из пассажиров, какого бы он звания и чина ни был, не должен вмешиваться в распоряжение пароходом, в управление машинами, также заводить споры с кем-либо из людей, к пароходам принадлежавших, и тем менее бить их или давать горячие напитки, ибо чрез это пароходы могут подвергнуться опасности, а с тем вместе и пассажиры.

2. Вход на пароход и выход с него не иначе дозволяется, как по отдаче билета.

3. Желаящие ехать на пароходах, должны входить на оные прежде отвала от пристани, ибо невозможно приставать к пароходам в полном их ходе, а потому сим и подтверждается, не подъезжать к ним, пока не будет остановлено действие машины.

4. Так как во время плавания от принятия на пароход и снятия с него пассажиров происходит остановка и пустая трата дров, то без изъятия каждый пассажир после отвала или сходящий с парохода до прибытия на место платит за проезд 10 руб.

5. За проезд платится в одну сторону 5 руб. или 2 руб., но за какую из цен сих может ехать отъезжающий зависит единственно от выдающего билеты, которому предоставлено принимать на пароходы и без платы таковых, которые явно не в состоянии платить 2 руб.

6. Табак возбраняется курить в каюте, но дозволяется на палубе.

7. Кто однажды окажется нарушившим сии правила, тому на будущее время вправе отказать в билете для проезда выдающий билеты.

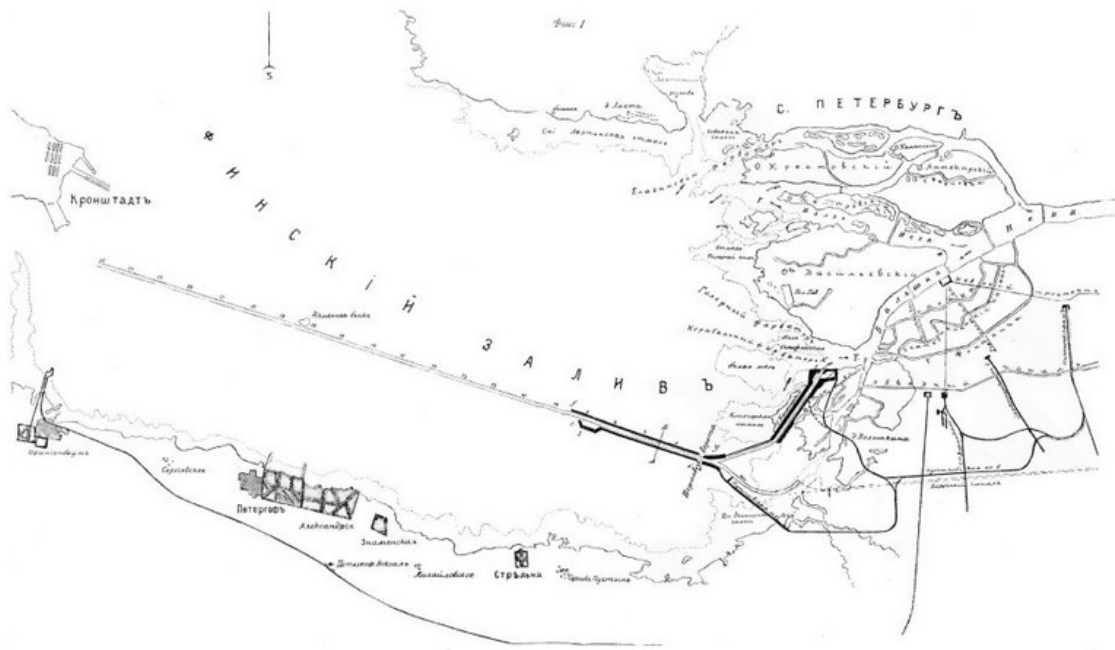
8. Люди, принадлежащие к пароходам, обязаны быть благопристойными, услужливыми и делать пассажирам всякое пособие в приеме на суда и снятии с оных багажа, однако ж быв заняты своей должностью, за целость вещей они не могут ответственствовать, но всякий пассажир за багажом своим должен иметь собственное смотрение.

9. Если же люди, принадлежащие пароходам, причинят кому-нибудь из пассажиров какое-либо неудовольствие, то по приношении жалобы будет сделано обиженному в С.-Петербурге полное удовлетворение».

Правила эти настолько характерны, так передают колорит былой эпохи, что не нуждаются в комментариях.

В 1835 году было сделано первое ходатайство об открытии пароходного рейса между Кронштадтом и Ораниенбаумом, но ответ был отрицательный; начальство почему-то не нашло возможным разрешить эти рейсы, которые открылись только 5 июля 1850 г. Затем с

60-х годов стала успешнее проявляться частная инициатива, появился ряд пароводных компаний, стали открываться новые рейсы, например на Лисий нос, вследствие конкуренции понижалась и плата. В 1885 году кронштадтский купец Сидоров прорыл в Ораниенбауме канал, доходящий почти до вокзала, – сообщение стало еще удобнее. Затем стали вводиться винтовые пароходы, и начались попытки продлить судоходство и во время ледохода и ледостава. Попытки эти особенно стали успешны с изобретением ледоколов, помощью которых навигация, например, в зиму 1922–1923 годов продолжалась без перерыва, а пароходы до Ораниенбаума ходили до последних чисел декабря.

Карта пути по Финскому заливу до Кронштадта

Путь в Кронштадт

Перед впадением в Финский залив река Нева – как бы естественный канал, глубиной от 5 до 8 $\frac{1}{2}$ сажен и шириною от 150 до 350 сажен – разделяется на несколько рукавов и вступает в залив через прибрежную его отмель шестью фарватерами. Главный или большой корабельный фарватер, служащий продолжением Большой Невы, проходит через мель несколькими легкими изгибами на протяжении 5 верст, имея в ширину от 100 до 150 сажен. Глубина его у устья реки 24 фута, постепенно уменьшается в направлении к заливу и на окраине отмели имеет всего 8–10 футов. Этот фарватер отмечается бакенами и вешками и служит обыкновенным путем в Кронштадт. Остальные пять фарватеров, отходящие от устья Невы: Елагинский, или Малый, – от устья Малой Невки; Петровский, или Средний, – от Малой Невы; Галерный – от Большой Невы, севернее главного фарватера; Канонерский, или Гребной, – от Большой Невы, южнее главного фарватера и, наконец, Екатерингофский – от Екатерингофской речки – все уже и мельче.

Но кроме главного корабельного фарватера с 1883 г. при путешествии в Кронштадт можно пользоваться и устроенным так называемым Морским каналом. Он идет от Большой Невы на Гутуевском острове, который и пересекает через Канонерский остров с севера на юг; далее идет по Канонерской мели, где поворачивает почти перпендикулярно к прежнему направлению и доходит до самого Кронштадта, оканчиваясь на естественной глубине в 20 фут. Вся длина канала 25 верст. От Кронштадта к Петербургу канал идет сначала открыто, без всяких дамб. Эта часть канала имеет 15 $\frac{1}{2}$ верст длины и 50 сажен ширины по дну. Затем по обеим сторонам идут дамбы. Северная дамба выходит в море на 200 саж. более, чем южная; это сделано в предупреждение могущих быть заносов с моря. Эта часть канала между двумя дамбами имеет 4 $\frac{1}{2}$ вер. длины и 40 саж. ширины по дну. В начале этой части канала устроены портовые ворота для выхода мелких судов в море. Пройдя 200 саж. от портовых ворот, канал разделяется на две ветви, одна ветвь направляется в Екатерингофскую речку, а другая – в Большую Неву.

Канал этот был прорыт для того, чтобы дать возможность глубоко сидящим торговым океанским судам подходить прямо к Петербургскому порту. Идея этого канала несколько в ином направлении принадлежит Петру: он начал приводить ее в исполнение, но смерть помешала, и только в конце 1870-х годов приступили к работе.

Глубина Невы, как мы уже говорили, почти на всем протяжении равняется от 5 до 8 саж. и только у устьев – 3 % сажени; Финский же залив почти от самого Кронштадта не глубже 12 фут., а ближе к Петербургу глубина его все уменьшается и доходит до 10 и даже до 8 фут., и то только по так называемому главному, или корабельному, фарватеру, имеющему от 100 до 150 сажен ширины; по другим же фарватерам глубина значительно меньше, и на мелях она доходит до 3 и даже до 2 фут. Вследствие такой незначительной глубины главного фарватера морские суда не могут пройти в Петербург, и поэтому, придя в Кронштадт, они должны перегружаться на мелкосидящие суда или на так называемые лихтера. Эта перегрузка увеличивает и время, и деньги за провоз. Оказывается, что для прохода от Кронштадта до Петербурга употребляется то же самое время, а иногда и вдвое большее, и платится столько же за провоз, как от Лондона до Кронштадта. Вот причина, заставившая устроить Морской канал и тем самым дать возможность морским судам подходить прямо к Петербургу. В 1909 году Морской канал был углублен до 25 фут., что увеличило проходимость его и для океанских пароходов.

Панорама по пути в Кронштадт

Пока пароход, если он винтовой, разворачивается, отходя от Петербургской пристани, пассажир любуется красавицей Невой с Новым адмиралтейством, стоящими около него военными судами, набережной Васильевского острова с монументальным Горным институтом. Если пароход пойдет по Морскому каналу, любопытствующий взор будет наблюдать жизнь торгового порта: громадные коммерческие пароходы, разгружающие привозимые заграничные товары и уголь и забирающие от нас сырье, работу элеваторов, торговых складов. Если же пароход вышел на корабельный фарватер, то перед уезжающим точно в калейдоскопе будут проходить виды Петербурга, постоянно изменяясь, принимая с каждым мгновением все новый и новый вид, и над этой изменяющейся панорамой недвижно возвышается, горя золотым куполом, Исаакий... Уже пропадет панорама Петербурга, скроются очаровательные картины, а золотой купол Исаакия все виден – он виден и из Кронштадта; так точно, как только мы выйдем в Маркизову лужу, перед ним заблестит купол Морского собора Кронштадта. Эти два блестящих купола служат как бы маяками между Петербургом и Кронштадтом.

Петровская пристань

Но только что пароход выйдет на простор Маркизовой лужи – почему-то так с Петровского времени зовется мелкий Финский залив, – будут разворачиваться две панорамы: Финского берега с Лахтой и тянущимся береговым лесом и Петергофская перспектива – Стрельна, Петергоф, Ораниенбаум. Красочным пятном выделится Большой петергофский дворец, сначала как бы в тумане начнет возвышаться своеобразный профиль готической церкви св. Александра Невского, все яснее и яснее он возвысится над парками и садами Петергофа, и скоро начнут точно выступать из моря северные форты Кронштадта, те укрепления, которые устроены на искусственных островах среди моря, которые представляют из себя железобетон, и только, и в своей совокупности замыкают то кольцо укреплений,

которое делает Кронштадт совершенно неприступным с моря. На берегу белеют постройки Ораниенбаума, между ним и Кронштадтом виднеется круглая башня бывшего Кроншлота, первого укрепления, построенного на Ораниенбаумской отмели, и Кронштадт весь как на ладони перед приезжающим.

Пароход подходит к Петербургской пристани.

Историческая справка о Кронштадте

Пока пароход скользит по поверхности залива, пока калейдоскопически меняются виды, нужно себе ясно представить, почему возник Кронштадт и как он создавался, развивался.

Ввиду особого направления фарватера в Неве, Петр 16 мая 1703 года заложил на маленьком невском островке Еннисари, что означало Заячий остров, нынешнюю Петропавловскую крепость, значение которой, как я неоднократно указывал в других своих работах, – запретить фарватер, лишить шведский флот возможности проникнуть в Неву.

4 октября 1703 года Петропавловская крепость была готова; Петру в этот день донесли, что шведский флот, крейсировавший в Финском заливе, отплыл на зимовку в Выборг. Петр тотчас, несмотря на плывший уже по Неве лед, поехал в Финский залив на рекогносцировку и наткнулся на Ритусаари, т. е. Крысиный остров, который мы называем Котлин. И Петр сделал то, что не догадались сделать ни шведы, ни русские, в течение нескольких столетий боровшиеся за этот остров, – он обмерил залив вокруг него и заметил, что фарватер идет южной стороной острова, к которой подходит от Ораниенбаумского берега большая мель – ширина фарватера очень невелика. Таким образом, если на отмели Ораниенбаумского берега, у края фарватера, выстроить на искусственном острове укрепление и укрепить Ритусаари, то вход в Невский фарватер будет для шведского флота невозможен. Флот попадает под обстрел возведенных укреплений. Той же зимой начинается поспешная работа, и 7 мая 1704 года гордая сильная башня-батарея уже возвышается над фарватером, грозит своими орудиями и носит гордое название «Кроншлот» – верховный замок. А на Ладожском озере, опять-таки в спешном порядке, строится флот, скоро он выйдет в море и укрепит и без того сильный Кроншлот. И действительно, в течение ряда лет русский Балтийский флот, зимовавший в Петербурге, на время навигации выходил к Кроншлоту. Проход флота на зимовку через невский бар, т. е. через ту отмель, по которой шел главный, или корабельный, фарватер (название его «корабельный» теперь ясно – через него водить корабли Балтийского флота было затруднительно, приходилось снимать балласт, тратить много времени), и Петр решает перенести и зимнюю стоянку в Кронштадт, и начинает строиться первоначальная военная гавань. Таким образом, возникнув, как форт Кроншлот, Кронштадт к крепости присоединяет и гавань для флота. Но если флот здесь зимует, то здесь же необходимо быть тому месту, где можно производить ремонт судам, должен появиться док – и устраивается так называемый Петровский крест-канал (все сведения фактические об упоминаемых здесь достопримечательностях Кронштадта будут даны в своем месте в путеводителе, здесь мы освещаем лишь общую идею). Но военная гавань не могла остаться одинокой, сюда стали приставать и коммерческие суда, а это обстоятельство, в связи с устройством вышеуказанного дока, безусловно должно было явиться притягательным средством для притока мастеровых, рабочих, купцов и прочего населения – и стал возникать город. Таким образом, в развитии Кронштадта мы видим логически выраженное, ясно проведенное положение:

- 1) возникает укрепление для защиты фарватера;
- 2) к укреплению, под его защиту, пристраивается гавань для флота;
- 3) при устройстве гавани нужен док для ремонта судов;
- 4) и, как логическое заключение всех выше данных предпосылок, зарождается, растет и увеличивается Кронштадт.

Вплоть до устройства Морского канала Кронштадт был нашим главным коммерческим портом, сюда привозились все товары, шедшие через Петербург. И обычный наш курьез: официально Кронштадт не был признаваем коммерческим портом, он считался только военной гаванью, и не было особого управления коммерческого порта; это управление возлага-

лось на брандвахту и таможеню. С устройством Морского канала коммерческий порт перешел в Петербург и Кронштадт резко и определенно захирел и потерял свой характер торгового портового города, сохраняя специфически военный характер. За последнее время на эту сторону Кронштадта обратили особое внимание, принимая все средства, чтобы сократить гражданское население до минимума, сделав Кронштадт вполне военным городом, передовым фортом, защищающим подступы к Петрограду.

Кронштадт за пять лет революции¹

Теплело. В воздухе чувствовалось приближение весны – было 4 апреля 1917 года. Площадь перед Финляндским вокзалом, самый Финляндский вокзал, примыкающие к нему улицы были заняты народом, волнующимся, чего-то ожидавшим. И среди этой массы людей бросились в глаза стоявшие в строю, колоннами под ружьем, моряки Балтфлота. Их было до трех тысяч человек. Они приехали сюда, в Питер, из своего Кронштадта, чтобы встретить возвращавшегося из-за границы старого борца-революционера В. И. Ленина.

Послышался еще отдаленный свисток – поезд прошел через семафор; все ближе, все громче стук колес по рельсам, пыхтение паровоза, и воцарилась тишина.

Приехал или нет?

И раздавшийся сначала недружно, отдельными голосами, затем слившийся в общий восторженный крик, вскоре взрыв человеческих голосов показал, что ожидания не напрасны.

Вождь прибыл.

И тут же, под открытым, слегка синеющим, принимавшим весеннюю окраску, туманным небом Петербурга, стоя на открытом автомобиле, окруженный своими друзьями, Ленин произнес свою первую, начальную речь, вложив в нее то содержание, каким отмечались и все его речи первого петербургского периода.

Лозунги революции были брошены. Эти лозунги выражали то, что чувствовали, к чему стремились, во что хотели верить и во имя чего хотели жить и бороться рабочие и крестьяне, но что они не могли вложить в конкретные, вполне понимаемые, вполне запоминаемые формы.

Это было сделано впервые 4 апреля 1917 года в Петербурге, у Финляндского вокзала, и три тысячи приехавших, составлявших почетный караул, вооруженных кронштадтцев не только слышали, но глубоко прочувствовали, глубоко запечатлели в сердце первую речь Ленина.

Начало для Красного Кронштадта было положено...

И вернувшись к себе, на свой Сахалин, как вообще в общежитии величался передовой форт Петербурга, моряки не позабыли этих лозунгов, а дали им дальнейшее, естественное продолжение и развитие.

Через две недели, 15 апреля 1917 года, в самом Кронштадте произошло одно событие, вернее, даже один как будто совсем незначительный эпизод. Состоялось собрание членов первого кронштадтского революционного клуба. Этот клуб носил название «Земля и Воля», но, по мысли учредителей, это должен был быть не партийный, а общегородской кронштадтский клуб. На собрании поднялся вопрос о названии клуба. Группа лиц подчеркивала, что существовавшее название «Земля и Воля» является лозунгом партии эсеров и что лучше дать клубу другое, более широкое название: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Споры по поводу названия клуба были горячие, и хотя ни к какому результату не пришли, и хотя был брошен упрек, что социал-демократы большевики хотят внести раздор, когда необходимо единение, но первая схватка произошла, чувствовалось приближение настоящей борьбы.

И скоро этот незначительный, имевший вполне местное, кронштадтское, значение эпизод разросся в большое, общероссийского масштаба событие. Обвиняли большевиков Кронштадта в том, что «будто кронштадтцы зовут народ к произволу, самосуду, анархии, будто они подвергают мучениям арестованных начальников и слуг царизма, и, наконец, будто

¹ Эта часть представляет перепечатку-переработку брошюры моей работы, изданной анонимно Кронштадтской комиссией по устройству Октябрьских торжеств под заглавием «1917–1922 год в Кронштадте». – П. С.

кронштадтцы отказались признавать власть Временного правительства, отложились от России и образовали самостоятельную Кронштадтскую республику».

На эти обвинения кронштадтцы ответили замечательным документом, «Воззванием к революционному народу Петербурга и всей России», где впервые в России был выдвинут со всей яркостью лозунг «Вся власть Советам». Опровергая обвинение в непризнании Временного правительства, кронштадтцы в своем воззвании заявляли:

«Мы за единство революционной России, за единство трудящегося народа в борьбе с его угнетателями. Мы считаем, однако, – и это есть твердое убеждение нашей революционной совести, – что нынешнее Временное правительство, состоящее в своем большинстве из представителей помещиков, заводчиков, банкиров, не хочет и не может стать подлинным правителем демократии, властным вождем народной революции, и, что если в стране действительно наблюдаются явления анархии, то виной этому является буржуазная политика Временного правительства, которое в продовольственном, земельном, рабочем, дипломатическом и военном вопросах не служит подлинным интересам народа, а идет на поводу у имущих и эксплуатирующих классов. Мы считаем, что петроградский и некоторые провинциальные советы рабочих и солдатских депутатов совершают ошибки, поддерживая это правительство.

За это наше убеждение мы боремся честным оружием революционного слова... Мы надеемся, мы верим, мы убеждены, что каждый новый день будет все больше раскрывать глаза самым темным и отсталым слоям русского народа и что близок час, когда объединенными силами трудящихся масс вся полнота власти в стране перейдет в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Вам, братья по революции в Петрограде и во всей России, мы протягиваем нашу руку, мы, матросы, солдаты и рабочие Кронштадта. Наша связь нерасторжима. Наше единство несокрушимо. Наша верность незыблема. Долой клеветников и разъединителей революционного народа. Да здравствует Революция!»

Таким документом ответил Кронштадт на обвинения, воздвигнутые против него. И в этом документе Кронштадт уже подчеркивал со всей ярко бросающейся в глаза откровенностью достигнутое им дальнейшее развитие в революционном движении.

«Вся полнота власти Советам!»

Вот главная мысль только что приведенного документа. И вместо оправдывания, вместо объяснения своих действий Кронштадт обрушивается с обвинениями. Из обвиняемого он становится обвинителем, он укоряет и Петроградский совет, и ряд провинциальных советов, и министров-социалистов за их уступки перед эксплуататорами. Этот документ необходимо знать, ибо только тогда будет вполне понятна дальнейшая эволюция Кронштадта.

13 мая 1917 года Исполнительный комитет Кронштадтского совета в своем заседании вынес резолюцию, что единственной властью в Кронштадте является Совет рабочих и солдатских депутатов, который по всем делам государственного порядка входит в непосредственный контакт с Временным правительством. Административные места в Кронштадте занимают членами Исполнительного комитета, для чего состав Исполнительного комитета пополняется соответствующим количеством депутатов из Совета рабочих и солдатских депутатов. Эта резолюция Исполнительного комитета 16 мая была рассматриваема в Совете, который и принял ее, но в тексте протокола заседания эта резолюция появилась в несколько иной редакции; вместо фразы «входит в непосредственный контакт с Временным правительством» было сказано более определенно и прямо: «входит в непосредственные сношения с Петербургским советом рабочих и солдатских депутатов».

По существу вопроса изменения не было. Ведь Петербургский совет состоял в большинстве из эсеров и меньшевиков и поддерживал Временное правительство классической формулой «постольку, поскольку»; действительной же властью, конечно, был Совет, а не Временное правительство. Но последнее обиделось на умолчание в резолюции Кронштадта

и опиралось якобы на «общественное мнение», которое должно было представляться статьями, телеграммами газет, адресами организаций, и послало 24 мая в Кронштадт двух министров, Церетели и Скобелева, которые должны были предложить Кронштадтскому совету четыре вопроса:

- 1) об отношении к центральной власти;
- 2) о представителе Временного правительства в Кронштадте,
- 3) о необходимости немедленного введения демократических органов местного самоуправления и судебных учреждений на общих для России основаниях;
- 4) об арестованных офицерах.

Первые три вопроса имели общий принципиальный характер, четвертый, вполне местного значения, был припутан к этим трем вопросам без явной связи.

И кронштадтцы ответили вышеприведенным нами документом. Кронштадтский совет заседал целую ночь. Министры от имени Временного правительства остались довольны ответами, они ясно увидели, что о «самостийной Кронштадтской республике» не может быть и речи, но когда в столичной прессе был помещен этот ответ, то он был назван «резолуциями Кронштадтского совета», и Исполнительный комитет Кронштадтского совета тотчас не замедлил опубликовать следующее: «Принятые на заседании 24 мая ответы на вопросы, заданные министрами Церетели и Скобелевым Исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов, являются не резолюциями, не разъяснениями, а только ответами на вопросы и ничем больше. Мы остаемся на точке зрения резолюции от 16 мая сего года и разъяснении от 27 мая 1917 года, признавая что „единственной властью“ в Кронштадте является Совет рабочих и солдатских депутатов».

Такой уверенный ответ заставил Временное правительство нажать все пружины, пустить в ход все средства, и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов принял оскорбительную для кронштадтцев резолюцию, на которую Кронштадтский совет и ответил вышеприведенным воззванием.

Фактически, конечно, победил Кронштадт. Приняв резолюцию, Петербургский совет не смог заставить Кронштадт подчиниться этой резолюции – власть осталась за Советом, но шум, поднятый против Кронштадта, весьма естественно привлек к нему внимание всей России. Из самых отдаленных мест России, от советов, полковых комитетов и других организаций посылались депутации посмотреть, что делается в Кронштадте. Наконец и сам Кронштадт, чтоб рассеять ту клевету, которая распространялась против него, рассылал в разные города делегации, которые делали доклады, выясняли истинное положение дел. И пропаганда «Вся власть советам» достигала до самых отдаленных уголков России.

Атмосфера сгущалась. Напряжение масс росло. Политика Временного правительства все более и более отклонялась вправо. И вот, 3 июля, днем, в Кронштадт приезжают делегаты от 1-го пулеметного полка и заявляют, что в 5 часов дня их полк собирается выступать. Исполнительный комитет предложил пулеметчикам, до проверки сообщаемых ими данных, до сношения Исполнительного комитета с Питером, не выступать на митингах и вообще не возбуждать толпу. Но вечером в Сухопутном манеже, на лекции анархиста Ярчука, пулеметчики выступили, и в результате их выступлений состоялся громадный митинг на Якорной площади. В митинге принимали видное участие тов. Рошаль, Раскольников, Веник и др. Причем так как в Кронштадте не было никаких определенных сведений, то было постановлено отложить решение до утра. В 6 часов утра загудел гудок электрической станции и громадная Якорная площадь заполнилась матросами и рабочими. Собралось тысяч 10–12. Около 7 часов утра была произведена посадка, и кронштадтцы двинулись на Петербург.

Надо подчеркнуть, что это движение было стихийное, что ни Исполнительный комитет, ни Совет депутатов формально не давали своего соглашения на выступление. Но масса не нуждалась в этих санкциях, массе казалось, что настало время действовать.

Всего было отправлено 6 судов, в том числе и «Зарница», на них было 6300 матросов, кроме того и рабочие. Ехали все организации, все партии.

Высадились на Васильевском острове и направились ко дворцу Кшесинской, где в то время находился Центральный комитет большевиков. Здесь произошла первая размолвка среди руководителей; ни эсеры, ни меньшевики, ни анархисты не хотели, чтоб большевики устроили митинг у своего партийного комитета. Митинга не было. Но товарищ Ленин и еще ряд ораторов-большевиков приветствовали демонстрацию. Через Троицкий мост, площадь Жертв революции, Невский проспект, Литейный проспект, к Таврическому дворцу, т. е. через город, демонстрация прошла в стройном порядке. И когда голова демонстрации была у Пантелеймонской улицы, раздались выстрелы. Но предоставим слово участнику и организатору тов. Раскольникову, как он докладывал Кронштадтскому совету в заседании 7 июля того же года:

«Раздались предательские выстрелы, наши товарищи подверглись панике, и сколько я ни старался удержать, нас никто не слушал, началась беспорядочная стрельба, наши товарищи начали стрелять преимущественно в воздух, раздался возглас: „лечь“ и все легли, затем постепенно отошли. Когда мы подошли к Таврическому дворцу, там стоял пулеметный полк под командою прапорщика Семашко».

В это время произошел инцидент с арестом Чернова, впрочем, он был сейчас же освобожден. Демонстрация не достигла своей цели. По возвращении демонстрантов ко дворцу Кшесинской часть кронштадтцев заняла Петропавловскую крепость. Защитники Временного правительства предполагали начать правильную осаду: должны были быть новые жертвы. Но вскоре же начались переговоры о возвращении кронштадтцев в Кронштадт. И здесь, в этих переговорах, рельефно выявилась физиономия военной комиссии: то она соглашалась на условия кронштадтцев, то меняла их, то соглашалась ждать до определенного часа, то представляла ультиматумы. В конце концов, кронштадтцы прибыли в Кронштадт, переписанные и без оружия; кроме того, кронштадтцы должны были согласиться на арест Раскольникова и Ремнева, на обыск в редакции газеты «Голос Правды». Таким образом, выступление кронштадтцев кончилось поражением. Совет должен был уступить. Но в Кронштадте большевики не испытывали того, что приходилось испытывать их товарищам в Петербурге. Например, в воскресенье 16 июля товарищ Веник мог свободно читать в бывшем Летнем морском собрании лекцию на тему «Социализм и классовая борьба»; затем этот же товарищ, принимавший участие еще в подпольной работе, выступал в ряде лекций ярко большевистского направления; кроме того, состоялись лекции товарища Стель и некоторых других партийных работников.

30 октября 1917 года в Совете рабочих депутатов обсуждалась фраза Керенского: «Кронштадт потерял всякую боеспособность, довольно играть вольно и невольно в руку немцев, средства обороны в Кронштадте уже не все на месте».

На это обвинение Кронштадтский исполнительный комитет ответил опять-таки обращением ко всей России, обращением сильным, могущественным, интересным еще и потому, что в этом обращении был подведен итог тому, что произошло.

«Товарищи и граждане, — так начиналось воззвание, — в газетах от 1 октября была опубликована телеграмма министра председателя Временного правительства Керенского главнокомандующему армиями Северного фронта (телеграмма эта приведена выше). Товарищи и граждане! — продолжало воззвание кронштадтцев, — в грозный час испытаний министр председатель осмелился перед лицом всей революционной России и всего мира бросить темный и тяжкий навет на революционный Кронштадт.

Мы говорим — темный навет, ибо министр Керенский никаких доказательств, никаких объяснений в подтверждение этого навета не приводит.

Мы говорим – тяжкий навет, ибо министр Керенский утверждает, что кронштадтцы „вольно или невольно играли в руку врагу". Разве может быть сильнее обвинение, чем обвинение в вольной или невольной измене стране и революции, в вольном или невольном предательстве? Ибо играть в руку врагу, значит предать революцию врагу. Нельзя придумать более тяжкого обвинения, чем обвинение в измене и предательстве.

Не только в грозный час испытаний, но и при всяких условиях клеймо предательства и измены является тягчайшим позором тому, на кого оно наложено.

Но вместе с тем велика и ответственность того, кто берет на себя смелость наложить позорящее клеймо.

Товарищи! Революционный Кронштадт не первый раз встречает попытку оклеветать его перед лицом трудящихся. Вы помните, как с легкой руки бывшего министра Церетели вся буржуазная ленивая пресса травила кронштадтцев, как контрреволюционное гнездо, отложившееся от России. И тогда Кронштадт обвинялся в измене революции. Мы с негодованием отвергли эту клевету. Нам поверили рабочие, солдаты и крестьяне. А те, у кого были сомнения, приезжали к нам, знакомились с революционными порядками Кронштадта и от их сомнений не оставалось и следа.

Мы не знаем, зачем нужно было сейчас, в этот грозный час испытаний, министру Керенскому пустить новую лживую легенду о Кронштадте. Об этом мы спрашиваем министра и требуем от него прямого, ясного и категорического ответа. Пока мы не знаем побуждений гнусной клеветы министра на Кронштадтский гарнизон.

Но мы твердо знаем и никогда не забудем, как генералы министра Керенского, совершая предательство на фронте, клеветали на солдат, умиравших в окопах. Вы помните, министр Керенский, как генерал Корнилов, которого вы называли „первым солдатом русской армии", снял полки с фронта и повел их на революционный мозг страны, на Петроград?

Вы, может быть, вспомните, министр Керенский, что ваши ближайшие помощники Савинков и Филоненко явились ближайшими помощниками в походе на Петроград „первого солдата русской армии"?

Вы, может быть, вспомните, министр Керенский, как ваш главнокомандующий генерал Корнилов еще 8 августа проектировал разрушить это гнездо революции?

Может быть, кронштадтские матросы и солдаты повинны в том, что приняли все меры, чтобы не допустить этого разоружения?.. Да, в этом повинны наши моряки и солдаты! Да, мы, поскольку это было в наших силах, не допустили и не допустим разоружить оплот российской революции, даже если бы вы этого потребовали вслед за вашим „первым" солдатом.

Долой предателей страны и революции! Долой клеветников на отряды русской революции!»

В этом ответе уже чувствуется приближение октября. И действительно, октябрь наступил, и участие кронштадтцев в этом октябре было велико. Передадим ход событий словами кронштадтских очевидцев.

В ночь с 23 на 24 октября было созвано экстренное заседание Исполкома Кронштадтского совета, окончившееся только в 6 часов утра. На этом заседании товарищи Новиков, Калисс и Grimm были назначены руководить действиями сводно-боевых отрядов Кронштадта.

В 11 часов утра 24 октября 9300 кронштадтских моряков на заградителе «Амур» и на 4 других судах отплыли в Петербург, чтобы оказать вооруженную поддержку питерским товарищам.

«При осмотре команд всех судов, – вспоминает военмор Новиков, – было установлено, что из командного состава никто, кроме поручика Петухова из учебно-минного отряда, не примкнул к движению – весь офицерский состав поэтому был арестован в Кронштадте. Путь из Кронштадта в Петроград прошел благополучно. При входе в устье Невы у Франко-Рус-

ского завода два наших моряка дали условные сигналы о том, что в Петербурге все спокойно, засад нет никаких и, по-видимому, нашего прихода никто не ожидает. В первом часу моряки высадились, и уже в 8 часов вечера отряд товарища Зайцева занял Новое Адмиралтейство, второй отряд товарища Сладкова – Петроградский порт, а третий – Главное Адмиралтейство, он же арестовал и весь штаб флота. Тем временем гарнизон Петропавловской крепости известил, что он всецело переходит на сторону восставших. Затем началось передвижение к площади Зимнего дворца, и отряды матросов расположились следующим образом: отряд под начальством товарища Никитина у арки Главного штаба, второй, во главе с товарищем Зайцевым, у Невского проспекта, третий, под начальством товарища Петухова, у Адмиралтейства. Товарищ Калис занял в это время телеграфно-телефонную станцию. Напротив Зимнего дворца на Неве стоял крейсер „Аврора“. Дворец защищали юнкера и женские „батальоны смерти“.

Стремление наступающих было избежать лишнего кровопролития, и в 12 часов 45 минут ночи „Аврора“ дала холостой залп по Зимнему дворцу из тяжелых орудий. Залп был дан с целью произвести панику среди защитников и, действительно, последние поняли после залпа, что перевес на стороне наступающих, что защитить Зимний дворец невозможно, и в час ночи с 24 на 25 октября Зимний дворец сдался, и тотчас на флагштоке Петропавловской крепости был поднят красный фонарь, что означало победу красного февраля».

Не успели кронштадтцы, как говорится, даже передохнуть, им пришлось выполнять новую задачу. В заседании Исполнительного комитета от 28 октября было заслушано заявление товарища Раскольников, уполномоченного от военно-революционного комитета, чтобы была выставлена от кронштадтского гарнизона поддержка петроградским войскам, бывшим у Гатчино. И кронштадтцы деятельно поработали на этом новом фронте, на фронте против Керенского.

Через неделю – новое требование. Оно формулировалось следующим образом. «Революционная власть поручила Кронштадту новую работу. Нет сомнения в том, что голод является прямой опасностью для революции. Петрограду грозит голодная смерть. Запаса хлеба нет, а подвоз саботируется всеми способами. Чтобы подогнать подвоз хлеба к столице, исполнительная власть предложила Кронштадту послать 500 человек во все концы России».

И кронштадтцы стали работать на новом фронте – хлебном. Конечно, во время этой работы было сделано немало ошибок, понятно, что к истинным революционным деятелям примазывались и нежелательные элементы – но все же работа кипела и Петербург получил нужный ему запас хлеба.

В то же время были свои внутренние важные дела: ведь Кронштадт первый выставил лозунг «Вся власть Советам» и теперь, когда этот лозунг воплотился в жизнь, нужно было доказать его реальность. И в этом отношении Кронштадт рубил с плеча.

7 декабря 1917 года – через месяц с небольшим после октябрьской победы – Кронштадтским советом принимается большинством против одного воздержавшегося следующая резолюция:

«Частная собственность на недвижимое имущество, на дома и землю в районе кронштадтской крепости отменяется. Домами и землями впредь будет заведывать Кронштадтский совет через центральную квартирную комиссию и домовые комитеты».

Затем, менее чем через 12 дней, 19 декабря 1917 года был представлен проект об управлении национализированными зданиями – все это проводилось в жизнь Кронштадтским советом раньше, чем где-либо в России.

Первое объединенное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов было 21 марта 1917 года, и первый Совет не имел ни фракционных делений, ни определенного политического лица. От прежних существовавших отдельно советов – военного и рабочего – он унаследовал деление на матросов, солдат, рабочих, сидевших раньше не вперемешку друг с

другом, не по группам одинаково политически настроенных, а распределявшихся по цвету шинелей, покрою тужурок. Лишь через некоторое время можно было устранить это подразделение. И целым событием было предложение перетасовать моряков, солдат и рабочих по всем стульям, чтоб подчеркнуть отсутствие неприязненности и полноту единения.

Резолюции, выносимые Советом первого состава, носили на себе печать Петроградского совета, к которому вначале было безграничное доверие, нарушившееся лишь тогда, когда политика соглашательства, положенная в основу петроградской платформы, вылилась во враждебное отношение к Кронштадту. Наступил кризис, и произошли перевыборы, которые дали уже много партийно определившихся товарищей. Так, состав Совета второго созыва включал в себя 93 большевика, 91 эсера, 46 меньшевиков и 68 беспартийных. Принятие 16 мая резолюции о полном переходе власти в руки Советов, создавшее вокруг Кронштадта крайне враждебную атмосферу, показало, что новый Совет сходит с прежней тропы слепого подражания питерскому, соглашательскому в то время, Совету и начинает прокладывать дорогу советской власти и не в кронштадтских рамках.

Настал период наступления, против которого 182 голосами против 65 воздержавшихся была принята Советом резкая резолюция протеста – наступили июльские дни, закончившиеся вооруженным походом против Кронштадта и происшедшего после сложного процесса в политическом сознании масс, Совет вновь был переизбран (11 августа) и заключал в себе 96 большевиков, 73 левых эсера, 96 беспартийных, 13 меньшевиков и 7 анархистов.

Этот состав Совета оставался на своем посту до января, выполняя в октябрьские дни боевую работу по посылке отрядов и закреплению завоеванной власти пролетарской республики.

Но чем дальше, тем сильнее и сильнее давало себя знать несоответствие принятой формы организации Совета, не имевшего возможности провести целиком полную децентрализацию управления у себя на месте. Административный и хозяйственный аппараты хромали, городская дума отвлекла лучших работников и разбивала – как подчеркивалось – стройность хозяйственной организации.

4 января был переизбран Совет (четвертый по счету) на новых основаниях. Городская дума была распущена (29 января), весь хозяйственный и политический механизм взял в свои руки Совет, создавший постоянные отделы и тем избавивший себя от бесконечного ряда комиссий, создаваемых ранее без всякой системы. Про эту последнюю организацию своего Совета, выработанную Кронштадтом вполне самостоятельно, Кронштадт мог отметить следующее: инструкция по организации Советов, выработанная центральной властью, Советом народных комиссаров, была очень сходна с такой же, выработанной кронштадтским Советом.

Совет 4-го созыва пробыл недолго. Совету пришлось назначить перевыборы, так как среди населения велась вполне определенная агитация против Совета. Одним из главных оснований этой агитации было то обстоятельство, что Совет не соглашался на выдачу так называемых эвакуационных денег тем рабочим, которые предполагались к эвакуации, но не были эвакуированы вследствие прекращения эвакуации. Также довольно сильную агитацию против Совета вели и защитники Учредительного собрания. Но и вновь выбранный Совет 5 выбора оказался таким же по составу, как четвертый.

Одной из особенностей кронштадтского Совета была следующая: как только в среде населения Кронштадта начиналось какое-нибудь брожение, как только выносилась та или иная резолюция, не согласная с направлением Совета, – последний апеллировал к массам, назначая перевыборы. И этими перевыборами Совет, безусловно, укреплял свое положение.

Совету приходилось работать, как мы видели и как увидим ниже, в очень тяжелой обстановке. 25 апреля 1918 года финляндская белая гвардия хотела захватить форт Ино, предъявив гарнизону ультиматум сдать форт без боя, рассчитывая на бессилие гарнизона.

Форт Ино принадлежал по договору с Финляндией России как входящий в передовые оборонительные позиции Кронштадта. Но умысел белогвардейцев потерпел фиаско, гарнизон не испугался ультиматума. Но если первая попытка белогвардейцев не удалась, то они не оставили своих намерений, и Кронштадтский совет рабочих и солдатских депутатов должен был 15 мая 1918 года вынести следующую резолюцию:

«Заслушан доклад коменданта крепости тов. Артамонова о взрыве форта Ино. Форт взорван по личному приказанию на основании предоставленного ему военным отделом права единоличного распоряжения при непосредственной опасности, в виду близости неприятеля. К приказу о взрыве форта его вынудили следующие соображения: белогвардейские парламентарии в третий раз заявили, что у них имеется приказание предложить гарнизону очистить форт и передать оружие на основании дипломатических переговоров между Москвой и Берлином. Будучи уверенным, что дипломатический курьер привезет неблагоприятное по своему содержанию решение, и зная, что, с одной стороны, защита форта Ино с суши, при отсутствии мало-мальски порядочных укреплений, отсутствии резервов и пр., было бы абсурдом и что форт пришлось бы взорвать с людьми, так как во время боя нельзя было бы эвакуироваться (белогвардейцы могли бы на плечах защиты перерезать провода), с другой стороны, считая, что сдача форта во всем вооружении дипломатическим путем была бы позором, он и решил прибегнуть к третьему решению, взорвал форт до прибытия курьера. Эвакуация людей и имущества была совершена спокойно. Сначала были эвакуированы Новгородская, Выборгская и Ямбургская части, последними Латышская часть и артиллерия. Взрыв был произведен в 11 ½ часов ночи. Прежде всего произошел взрыв всех подрывных зарядов, через несколько секунд взорвались снаряжение и зарядные 6- и 11-дюймовые погреба. В течение полутора часов произошло 10 больших взрывов».

Затем – мобилизация 1 августа 1918 года. Эта мобилизация была произведена не самим Кронштадтом, он привык к своим частым мобилизациям. Эта мобилизация пяти возрастов 1893, 1894, 1895, 1896 и 1897 годов делалась по постановлению Петроградского совета. Об этой мобилизации кронштадтский Совет постановил: «Приветствуя декреты Совета народных комиссаров о мобилизации, считая ее крайне необходимой, Кронштадтский совет постановляет: военному комиссариату крепости поручить провести мобилизацию кронштадтских рабочих в самый кратчайший срок».

При этой мобилизации Совет обратил особое внимание на коммунистов. Были высказаны следующие положения: «Кронштадтский совет постановил мобилизовать 5 лет кронштадтских рабочих. Каждый честный революционер, принимая во внимание грозное положение революции, должен приветствовать это положение как шаг к созданию социалистической красной регулярной армии для борьбы с наседающим международным капиталом.

Ни один рабочий не должен уклоняться от предстоящей мобилизации в классовую армию.

Каждый рабочий должен твердо помнить, что гибель революции – его гибель, что свержение советской власти несет за собой угнетение и пытки. Каждый рабочий должен встать на защиту советского правительства и отрезать подготавливаемый врагами удар.

Всем известно, что русской революции придется выдержать великий бой с империалистами. К этому бою мы должны готовиться. Мы должны готовить классовую армию, которая была бы спаяна единым порывом, единым революционным энтузиазмом. Только эта армия сможет победить разлагающуюся, деморализованную, уставшую армию империалистов.

И когда мы подходим к мобилизации рабочих, то вместе с рабочими должны идти и коммунисты. Партия коммунистов, как рабочая партия, показала свою преданность революции, защите интересов рабочих в целом. Члены ее должны быть призваны вместе с рабочими.

И те коммунисты, которые не подлежат призыву как не работающие на фабриках, заводах и мастерских, должны быть призваны дополнительно.

Никаких исключений для коммунистов не может быть. На местах, в Советах, должно быть оставлено наименьшее количество рабочих для обеспечения советской работы. Наибольшая часть должна быть призвана в ряды Красной армии.

Кронштадтский комитет коммунистов постановил настаивать, чтобы Кронштадтский совет объявил мобилизацию коммунистов вместе с рабочими. Совет должен это сделать незамедлительно.

Коммунисты, под винтовку!»

Августовская мобилизация 1918 года была далеко не последней – лейтмотивом 1919 года сделался лозунг: «Пусть город превратится в вооруженный город!»

7 мая 1919 года был избран комитет рабочей обороны из товарищей Жеребцова, Лудри, Кондакова, Лисовского, Брегмана, Герцберга, Мартынова, Моисеева и Ильина, вместе с тем город был объявлен на осадном положении. 21 мая того же года комитет рабочей обороны вынес два серьезных постановления. Первое – о мобилизации всего нетрудового населения мужского пола от 18 до 45 лет, второе постановление пока было облечено в следующую форму пожелания, а именно: «Комитет рабочей обороны Кронштадта предлагает всем рабочим, матросам и красноармейцам, желающим вследствие нахождения Кронштадта в районе военных действий отправить свои семьи, записаться в отделе управления, которому поручено принять соответствующие меры».

Но этот призыв-пожелание не произвел должного впечатления.

А события росли.

В ночь с 14 на 15 мая к западу от форта Серая Лошадь показались неприятельские суда в составе трех миноносцев и одного крейсера. В 11 часов почти один из миноносцев обстрелял наблюдательный пост. Около поста от снаряда сгорел дом, пост остался невредим. После этого суда ушли в море.

16 мая в 9 часов крейсер противника из Капорского залива открыл огонь по деревне Калище. По нему был открыт огонь из орудий форта Красная Горка: после первого же залпа крейсер стал быстро уходить в море.

Утром 17 мая суда типа миноносцев обстреляли побережье Лужской губы, после чего стали высаживать десант.

В 2 часа дня того же числа противник пытался высадить десант у деревни Керново, но, будучи обстрелян с Красной Горки, ушел в море. Около 6 часов ему удалось высадить десант у деревни Систо-Палкино. Высадившийся десант стал наступать на занятую крепостной пехотой дер. Керново, но сильным ружейным и пулеметным огнем был отбит и отступил. Того же числа в 11 часов вечера со стороны бывшего форта Ино было произведено по направлению к Красной Горке 8 выстрелов из орудий крупного калибра.

18 мая с Ино вновь стали стрелять по нашим судам. По Ино был открыт огонь с Красной Горки, вызвавший на Ино пожар, после этого стрельба прекратилась. В час дня один из наших миноносцев вступил в бой с тремя миноносцами противника и, отстреливаясь от них, пошел на Кронштадтский рейд. В тот же день с 5 часов вечера со стороны Ино была вновь открыта стрельба по нашим судам, но после одного нашего выстрела с Красной Горки стрельба эта прекратилась.

В 4 часу дня того же числа противник стал наступать на деревню Калище. Обстрелянный нашей пехотой и орудиями форта он отступил в леса.

19 мая в 4 часа утра противник повел вновь наступление на деревню Калище. Подойдя к деревне, он был встречен нашим ружейным и пулеметным огнем и отступил. При этом отражении атаки командир пулеметного взвода находился у пулемета, стоящего несколько в стороне, стрелял сам до подхода неприятеля и был ранен и взят в плен. Когда наша пехота

стала подбирать трупы противника, то был также найден и труп героя-пулеметчика. Труп был изуродован: выколоты глаза, обрезаны уши, нос. Медицинским исследованием дознано, что это возмутительное зверство было произведено еще над живым человеком.

Такова военная сводка. И Совет депутатов в заседании 28 мая после горячей замечательной речи председателя Совета, вскоре нашедшего безвременную кончину товарища Мартынова, обратился еще раз с воззванием к жителям об эвакуации. При этом тов. Мартынов указывал, что принимаются все меры, чтобы эвакуация прошла безболезненно, и вкратце пояснил план этой эвакуации: «На Дон отправляем семьи только тех товарищей, в которых мы не сомневаемся, малонадежный элемент мы будем отправлять в Курскую губернию и совсем ненадежные буржуазные элементы в концентрационные лагеря».

События развивались дальше.

26 мая аэроплан противника обстрелял форт Красная Горка. Было очевидно, что такому же обстрелу будет подвергаться и Кронштадт, и 5 июня 1918 года последовала публикация следующей резолюции кронштадтского Совета:

«Считаясь с вероятностью обстрела Кронштадта и нахождения крепости в осаде, Кронштадтский совет и мобилизованные рабочие Кронштадта постановили: немедленно приступить к принудительному выселению неспособных к борьбе как женщин, так и детей, а равно рабочих, матросов, красноармейцев и всего неблагонадежного элемента».

Объяснялась эта принудительная эвакуация следующими горячо написанными строчками:

«Кронштадт вступает твердой ногой на путь новой славы.

Печатью величия отмечены его шаги. Другие города эвакуируются, готовясь к сдаче. Кронштадт эвакуируется, готовясь к бою.

Наша эвакуация не отступление, а укрепление боевой позиции.

Каждый, кто останется в Кронштадте после эвакуации, – воин. Он готов выдержать длительную осаду со всеми ее лишениями, готов грудью отстаивать каждую пядь красного острова.

На красном острове не должно оставаться ни одним человеком больше, чем это нужно для обороны. В орлином гнезде место только орлам. Все остальные – прочь!

В первую голову выселяются женщины и дети. Они должны быть в безопасности, куда ведется бой за их будущее.

Они не должны быть рабами. Они должны узнать новую лучшую жизнь без голода, без лишений, без унижений.

Перед ними должны быть открыты двери к знанию, науке и красоте. Темнота и невежество их отцов не должны быть их уделом.

Во имя этого стоит бороться.

И тот, кто останется, без колебаний выдержит борьбу до конца, до победы правды над вековой ложью, новой лучшей жизни над жизнью старой, насквозь прогнившей».

Эти строчки писались 5 июня в день первого обстрела Кронштадта. В 11 часов дня было выпущено по Кронштадту 3 снаряда из тяжелых 12-дюймовых орудий, к счастью, никому и ничему не причинивших вреда.

Эвакуация продолжалась в течение месяца, она приостановилась сначала временно 4 июля, а затем, ввиду изменившихся обстоятельств, и не возобновлялась.

В то время как Кронштадт готовился к осаде, его посетили еще новые испытания.

11 июня в 10 ½ часа утра произошел взрыв на форте Павел. Взорвался склад в 36 мин. Взрыв был невероятной силы. Причины его не обнаружены, но этот взрыв невольно приводился в связь с последующими событиями. А о них публиковалось следующее: «На рассвете 13 июня небольшой отряд белых внезапным ударом овладел фортом Красная Горка. В 3 часа дня с форта начался обстрел города. Ответным огнем с наших фортов и кораблей

на форте Красная Горка был произведен ряд взрывов, и вспыхнули громадные пожары, что заставило противника прекратить огонь по городу. С суши против форта Красной Горки движутся отряды, успешно продвигавшиеся вперед к югу от Красной Горки и севернее железной дороги на Нарву, нашими войсками нанесено большое поражение белым. Коменданту Красной Горки послано ультимативное требование признать власть Рабоче-крестьянского Советского правительства».

Так писалось 13 июня, а 17 июня, т. е. через три дня, уже извещали: «Над Красной Горкой снова вьется красное знамя».

Очередная авантюра окончилась, и сейчас же еще одна тяжелая весть. 18 июня в 4 часа в районе Толбухина маяка потоплен английской подводной лодкой крейсер «Олег», только что принимавший деятельное участие в подавлении мятежа на Красной Горке. А отсюда дополнительно сообщили, что Кронштадт лишился председателя своего Совета тов. Мартынова и ряда других товарищей, расстрелянных белыми. 20 июня совершилось погребение жертв на площади Революции, а 29 июня на той же самой площади был митинг с участием тов. Зиновьева; на этом же митинге и выяснились красногорские события. Они разыгрались в тот момент, когда наши силы должны были перейти в решительное наступление по всему фронту. На одном из участков фронта некоторые части стали проявлять нерешительность и колебание. Тогда присланные из Кронштадта товарищи с Мартыновым во главе убедили их защищать до конца порученные позиции, а сами отправились на Красную Горку. Здесь тов. Ильин и Брегман экстренно были вызваны в Кронштадт, а Мартынов остался воодушевлять красногорские части.

Измена велась путем лжи и обмана. Красноармейцам говорили, что Кронштадт пал, что Ораниенбаум взят, что к Москве и Петербургу движутся белые, и что красные решили взорвать Красную Горку, так же как и форт Ино. Коммунисты, комиссары и все им сочувствующие, конечно, прежде всего арестовывались.

После красногорских событий участились налеты аэропланов на Кронштадт. Аэропланы прилетели с финляндской стороны, кружились над городом, сбрасывая бомбы. 1 августа 1918 года аэроплан налетел на Летний сад Кронштадта. В саду был митинг: большая беззащитная толпа, много женщин и детей. Аэроплан сбросил бомбу, и в результате 8 человек убито, 5 ранено тяжело и 7 сравнительно легко.

Но особенно памятной осталась ночь на 19 августа. Всю ночь вражеские аэропланы кружились над Кронштадтом, причем они спускались до невозможности низко. Все внимание, конечно, было обращено на небо. Свист полетов, разрыв шрапнелей, полеты бомб, темная, мрачная осенняя ночь — все это производило жуткое, тягостное впечатление. Обыватель Кронштадта переживал жуткие мгновения. И в пятом часу утра, когда было еще очень темно, в военной гавани раздались один за другим три взрыва. Оказалось, что, пользуясь тем, что все внимание защитников Кронштадта было обращено на небо, на налет аэропланов, несколько легких быстроходных катеров английского флота сумели проникнуть в военную гавань и не только проникнуть, но и выпустить три мины: одной из них был сильно поврежден недавний герой красногорских событий «Андрей Первозванный», второй был опрокинут и затонул крейсер «Память Азова», третья мина разорвалась об стенку. Но скрыться этим катерам также незаметно, как они вошли в гавань, не удалось. Большая часть их погибла от наших выстрелов.

Затем была дана небольшая передышка. Но осень грозила Кронштадту тяжелыми испытаниями: гибель трех эсминцев в водах Балтийского моря, наступление Юденича — все это должно было вызвать новую энергию. Кронштадту пришлось еще раз мобилизовать свои силы. Юденич был отбит. Это была последняя за истекшее пятилетие активная попытка взять Петербург и Кронштадт. С поражением Юденича фронт военных действий все удалялся и удалялся от Кронштадта. Кронштадт мог приступить к обычным занятиям. И тяже-

лый 1919 год закончился приездом в Кронштадт всероссийского старосты товарища Калинина.

Вид Ленинского проспекта был оживлен – улицы были переименованы в своих названиях в день годовщины Октябрьской революции – в продолжение 1 ½ часа стройно двигались части со знаменами в Сухопутный манеж, где был организован митинг и где председатель ВЦИКа сказал свою первую речь.

1920 год прошел в тяжелой работе, но спокойно, а март 1921 года принес еще одно тяжелое событие.

«1 марта 1921 года, – повествует свидетель кронштадтского мятежа тов. Зайковский, – был назначен общегарнизонный митинг с участием тов. Калинина. Морской манеж – место митинга – оказался недостаточным, так как кроме моряков и красноармейцев собралось много рабочих. Митинг был перенесен на площадь Революции.

Настроение собравшихся на митинг было приподнятое, резолюции были ясно ярко оппозиционного характера. Явно обозначались и главари последующего затем мятежа в лице военмора Петриченко, Яковенко и других, выступавших на митинге и предложивших свою резолюцию протеста.

Ночь в воинских частях прошла в шумных и бурных суждениях и спорах о минувшем митинге, о вынесенной резолюции, о происходящем перевыборе Совета. Выезд из Кронштадта был приостановлен выставленной заставой от моряков „Петропавловска”.

Инженерное училище

С утра начались выборы делегатов по частям. Часам к двенадцати делегатское собрание в полном составе было уже на месте в бывшем Инженерном училище. Председатель Совета Васильев, комиссар Балтфлота тов. Кузьмин и другие видные большевики были арестованы. Комиссаром крепости вместе с секретарем Коммунистической партии и начальником политотдела было дано распоряжение всем коллективам и отдельным коммунистам стягиваться к штабу крепости, куда должна была прийти и партийная школа как боевое ядро. По непредвиденным обстоятельствам партийная школа получила неточные указания

о месте сбора и, по собственной инициативе, пройдя Кронштадтские ворота, через загородный район направилась на залив, держа направление на Ораниенбаум. Это обстоятельство расстроило намеченный план, и каждому коммунисту предоставлено было действовать самому, на свой риск».

До 16 марта Кронштадт был в руках восставших. В этот день он был взят штурмом и в нем был восстановлен революционный порядок.

План Кронштадта и его объяснение

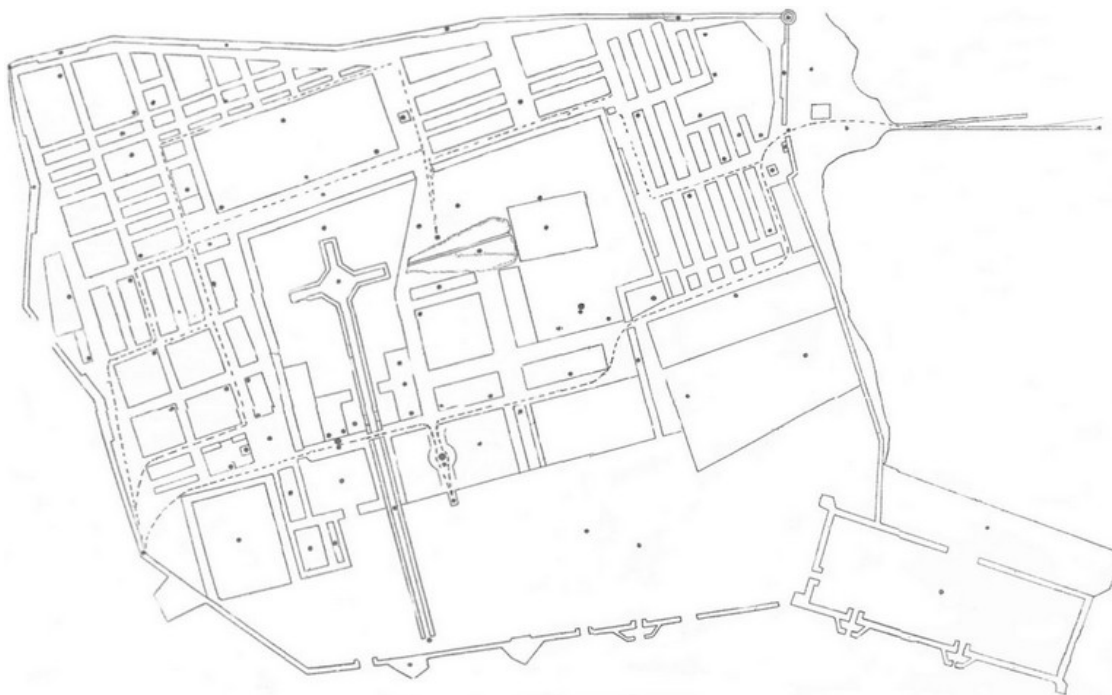
На приложенном плане пунктиром изображен маршрут обхода Кронштадта. Этот маршрут позволит познакомиться со всеми достопримечательностями Кронштадта, которые на плане обозначены кружками с порядковой нумерацией: в тексте под теми же номерами даны хоть краткие, но всеобъемлющие историко-общественного характера справки.

Весь полный маршрут рассчитан приблизительно часов на 4–5. Таким образом, посреди маршрута необходимо сделать перерыв, отдых; для этого удобным местом может служить общегарнизонный клуб, с начальством которого, безусловно, организаторам экскурсии нужно предварительно сговориться. Можно, положим, сократить экскурсию, и от Цитадельских ворот отправиться прямо по Ленинской улице на Советскую и оттуда на площадь Революции, но при этом останется неизученной значительная часть Кронштадта с любопытными подробностями, и цельного впечатления от Кронштадта не получится.

Обратный путь с площади Революции возможен или по прежнему направлению, на которое попадаем, перейдя овраг по висячему мостику, или новой дорогой – по бульвару Советской улицы, затем свернув по Песочной улице на Петербургскую.

Петербургская пристань (1)²

На настоящем своем месте за Петербургскими воротами и с настоящим своим названием пристань эта существует с 1748 года, когда впервые последовало распоряжение о выборе для Торговой пристани места за Петербургскими воротами.

План экскурсии по Кронштадту

² Номер в скобках соответствует номеру указанного объекта на плане экскурсии. – Прим. ред.

Объекты, обозначенные на плане

Адмиралтейство Доковое 96 (между № 88 и 89)

Адмиралтейство Новое 17

Амбулатория 64

Арсенал 28

Бассейн 93

Батарея Меншикова 36

Башня оборонительная 63

Библиотека детская 75

Библиотека морская 75

Биржа лесная 59

Болото Козье 84

Бульвар на пристани 2

Бульвар Северный 78

Вал крепостной 4

Водопровод 6

Ворота Петербургские 4

Гавань Военная 34

Гавань Купеческая 37

Гавань Лесная 33

Гавань Средняя 35

Гауптвахты 5, 56, 88

Гимназия женская 41

Гимназия мужская 39

Госпиталь 11

Двор гостиный 79

Двор гостиный таможенный 51

Двор деловой 22

Док Александровский 18

Док Алексеевский 18

Док-канал 43

Док Константиновский 18

Док Николаевский 18

Дом главного командира порта 29

Дома губернские 26

Дом Иоанна Кронштадтского 72

Дом Итальянский 46

Дом Миниха 38

Дом народный 87

Дома петровские 54, 55

Дом профессиональных союзов 65

Дом сиротский 15

Дом Совета 68

Дом угол Интернациональной 14
Дума городская 66

Завод газовый 3
Завод пароходный 19

Казарма оборонительная 62
Канал Обводный 21
Квартира конспиративная 13
Квартира Короленко 67
Квартира Надсона 85
Кладбище 61
Клуб Ленина 69
Корпус офицерский № 6-77
Костел 83

Манеж морской 42
Мастерские артиллерийские 27
Машина паровая 94
Место казни Суханова 60 Мечеть 9
Могилы братские 91

Овраг кронштадтский 92
Общество трезвости 97
Остатки городского вала 58
Отдел политического управления 70

Памятник Беллингсгаузену 78
Памятник Макарову 90
Памятник Пахтусову 47
Памятник погибшим на клипере «Опричник» 24
Парк Свободы 30
Площадь Нарвская 53
Площадь Революции 99 (между 90 и 91)
Порт Коммерческий 37
Пристань Каменная 32
Пристань Петербургская 1
Пруд Итальянский 48

Ряд рыбный 30

Сад Летний 23
Склады мясные 12
Собор Андреевский первонач. 44
Собор Андреевский современный 74
Собор Владимирский крепостной 81
Собор Морской 89
Собрание Морское 76
Станция железнодорожная 71

Станция электрическая городская 49
Станция электрическая морская 25

Таможня 52
Театр городской 95
Телеграф морской 45
Тюрьма гражданская 57
Тюрьма морская 98 (между 83 и 84)

Управа продовольственная 66
Управление артиллерийское 81
Училище реальное 73

Флигели офицерские 76
Флигели служительские 86

Хлебопекарня морская 16

Церковь Богоявления 10
Церковь лютеранская 7
Церковь эстонская 8

Школа машинная 20
Школа минная 40
Штаб крепости 82

Сначала пристань эта была казенная, затем здесь возникли пристани частных пароходных компаний. С введением нового городского положения 1870 года возник вопрос о переходе пристаней в ведение города, который их сдавал бы в аренду пароходным обществам и тем самым до известной степени мог регулировать пароходчиков. Но дело затянулось, и лишь через 10 лет, 18 июля 1880 года, произошло освящение вновь выстроенной городской пристани. Этой пристанью пользуются лишь летом. Отсюда же зимой начинается зимняя дорога на Ораниенбаум. Ранней весной и поздней осенью пароходы отходят от так называемого Рыбьего ряда, о нем будет сказано ниже. Рядом с этой Петербургской пассажирской пристанью существует так называемая Товарная.

Бульвар на пристани (2)

Подъезжая к Кронштадту, морской первоклассной крепости, пассажир думает, что он попадет в царство камня, кирпича, железобетона. Но он приятно разочаровывается на первых же порах. С мостков пароходной пристани он входит в Первый городской бульвар и затем, идя по городу, он поражен обилием бульваров, садилов, садов и парков в Кронштадте, и впечатление города камня и бетона скорее сменяется впечатлением города-сада. Всякое свободное местечко превращалось в садик, вдоль длинных стен докового Адмиралтейства или заборов дворов офицерских флигелей рассаживали дикий виноград, словом, стремились в этом городе-крепости посадить как можно более зелени. Посадка деревьев на этом бульваре была начата 20 октября 1893 года, а самый бульвар был открыт 25 июня 1894 года.

Газовый завод (3)

Пройдя паровозным бульваром и прежде, чем взойти в Петербургские ворота, следует бросить взор направо, где на морском берегу возвышается круглая большая башня бывшего Газового завода, который был заложен частным предпринимателем, взявшим на себя подряд на освещение города газом, 7 июня 1868 года.

Пароходная пристань

Таким образом, кронштадтский Газовый завод явился одним из наиболее ранних газовых заводов в России. При введении электрического освещения деятельность его должна была сократиться, так как для технических надобностей газ в Кронштадте почти не шел.

Петербургские ворота (4)

Петербургскими воротами называются, собственно говоря, не ворота, а значительный пролом в Кронштадтской крепостной стене. Когда-то здесь были действительно ворота, которые и запирались на ночь, но это было в то время, когда вместо стен крепости был земляной вал. Появился этот последний, как и вообще название крепости и города Кронштадта, 7 (20) октября 1723 года. Таким образом, в нынешнем году исполняется 200-летие со дня появления современного Кронштадта.

Самый факт закладки крепости записан в «Походном журнале» Петра. Закладке крепости придавали большое значение не только Петр, но и иностранные резиденты. Резидент, т. е. посол, Нидерландов доносил своему правительству: «Его величество намерен завтра со всем двором своим и министрами ехать в Кроншлот (так звалась крепость по имени первого форта. – 77. С.), чтобы там положить первый камень при построении цитадели». Этим сообщением закладке придана была важность европейского события. Петр по этому же поводу издал следующий указ: «Его императорское величество изволит особою своею

завтра пополудни во втором часу пойти в поход на Котлин остров и указал в коллегиях объявить, чтобы в тот же поход идти коллегии президентам и всем коллежским советникам по половине, а вице-президентам и другой половине советникам и ассессорам остаться в коллегиях; и в услышании сего подписаться». Этим указом закладке крепости было придано значение общегосударственного дела, что предопределило небывалую пышность церемонии.

Самый поход так описан в «Походном журнале»: «По сигналу 2 октября у Троицкой пристани собрались все суда и тронулись в путь Невою. Ночевали в Галерной гавани. К вечеру 3-го пришли к Кроншлоту и стали у пристани против двора его величества. Их величества ночевали в новом каменном дворце. 4 октября государь чертил на яхте укрепления Котлина, а потом был на работе и обрисовал место фортеции маленькими ровиками. Следующие два дня, т. е. 5 и 6 октября, Петр тоже чертил, бывая на работах, но закладки нельзя было сделать, так как от сильного ветра вода поднялась и затопила место закладки. 7 октября в первом часу пополудни, тремя выстрелами с Кроншлота дан был сигнал собраться на место закладки, хотя был сильный дождь. Заложили таким образом: сперва был молебен с водосвящением и на молебне именована Кронштадт, а по молебне, наперед сам его величество изволил положить три дернины, потом ее величество государыня изволила положить три дернины, после того прочие все по одной дернине; и как положили все, то его величество угол обрезал, как быть больверку, а с Кроншлота учинена из пушек пальба. Затем солдатам был заложен погреб (т. е. выкатили бочки с вином и пивом. – 77.С.), а знатым господам подношено было по бокалу хорошего вина бургонского. На другой день все суда тронулись в обратный путь». Таким образом, произошло крещение крепости и города через 20 лет после закладки первого форта.

Фронты крепостной ограды были расположены по первой системе Кугорна – тогдашней фортификационной знаменитости, фланги бастионов соединялись куртинами. По западной стороне, к косе, было 6 бастионов, которые звались от имени работавших их полков: Преображенский, Семеновский, Ингерманландский, Лефортовский, Бутырский и Морской. Окончательно земляные валы были сделаны в царствование Екатерины II. Знаменитое наводнение 1824 года смыло их окончательно, и тогда они стали отчасти заменяться каменной стеной, соединявшей устроенные вместо валов так называемые оборонительные казармы; стенки, в которых пробиты Петербургские ворота, устроены в 1828–1829 годах.

Гауптвахта (5)

Построена одновременно со стенами в конце 20-х или начале 30-х годов архитектором Апертом, производившим большие работы в Новом Адмиралтействе. Колонны этой гауптвахты так называемого ложно-египетского стиля, довольно редко встречающегося в русской строительной практике. Главное назначение этой гауптвахты, помещавшейся у главных ворот, была проверка документов приезжавших в город и выезжавших из него. Арестованных в ней обыкновенно содержалось очень небольшое количество.

Водопровод (6)

Влево от Петербургских ворот, среди небольшого садика, возвышается довольно высокая башня какой-то своеобразной архитектуры, напоминающей что-то восточное, как будто буддийское. Это – городской водопровод. Возник он в Кронштадте в 1804 году. Кронштадт был одним из первых городов России, в котором открылся водопровод. Устроило его Морское ведомство, причем трубы в этом водопроводе были деревянные. Снабжал этот водопровод водой главным образом здания Морского ведомства, обыватель же брал воду из обводного канала (смотри ниже). Затем, в 1838 году деревянные трубы были заменены чугунными

и устроен ряд водоразборных резервуаров для нужд города без всякой платы за воду Морское ведомство, таким образом, облагодетельствовало город.

Водонапорная башня

Но город рос, увеличивалось население, сильно росло потребление воды, и Морское ведомство нашло, что ему не имеет смысла содержать водопровод, что это дело города. В 1869 году начались обсуждения городской думой совместно с домовладельцами вопроса о водопроводе. В самую решительную минуту, когда казалось, что вопрос выяснен, общее желание иметь водопровод определилось, оставалось только зафиксировать согласие, в задних рядах собрания стал раздаваться неясный шум. Шум рос, увеличивался, звучали отдельные голоса – все больше звенели женские, крикливые. На последних стульях сидели домовладелицы, представительницы «прекрасного» «слабого» пола. И когда городской голова приподнялся со своего места и хотел задать вопрос, почему этот протест, из среды взволнованных представительниц Кронштадта вырвалось единодушное: «Не надо!»

– Чего не надо? – засуетился и городской голова и другие гласные и авторы проекта устройства водопровода.

– А вот этого самого водопровода не надо! Нечего мутить! Нечего новости вводить; жили на горе, на Козьем болоте, водовозы воду возили, и все было по-божески – а тут огнем воду пущать! Мыслимо ли это?!»

И дружное визгливое бабье «не надо» продолжало звучать в думском зале. И городскому голове пришлось отложить до другого раза обсуждение такого существенного для города вопроса. Вопрос, конечно, в конце концов был решен, и город совместно с Морским ведомством заключил в 1874 году на 35 лет, т. е. до 1909 года, договор с инженер-полковником С. И. Ясюковичем и почетным гражданином И.Н. Синебрюховым на устройство по всему Кронштадту на протяжении 23 верст водопроводов. Построив водопровод, строители передали его в эксплуатацию учрежденному ими же акционерному обществу. Невская вода достигает Кронштадта и в виде течения проходит по северному и южному фарватерам Кронштадта. Этим и воспользовались при устройстве водопровода, проведя водоприемник до этой невской струи. Но во время морских ветров, что бывает особенно часто осенью, вода нагоняется с моря и принимает солоноватый вкус. И в былое время в объявлениях местных газет можно было читать такие строки: «Ежедневно привозимую невскую воду с сего 17 сентября можно получать по 4 копейки за ведро в Рыбном ряду у обеих пристаней». Существовал особый промысел: на барках привозили из Петербурга воду и продавали для самоваров, так как особенно чай трудно было пить из пригнанной морской воды.

Вопрос о воде был и для Кронштадта обычным российским вопросом: ряд анализов доказывал, что вода плохая, что нужно принять средства для очистки воды, но все дело ограничивалось паллиативами.

Лютеранская церковь св. Елизаветы (7)

Лютеранская церковь, помещающаяся на правой стороне от Петербургских ворот, почти напротив городского водопровода, является типичным примером постройки церкви в романском стиле, в подражание римским так называемым базиликам. Заложена эта церковь была 22 июля 1834 года, после того как сгорела первоначальная деревянная церковь; строилась она два года и была освящена 20 декабря 1836 года. Проект составил и постройку производил военный инженер Белль; 145 тысяч рублей на постройку церкви было ассигновано из государственного казначейства.

Эстоно-финско-шведская церковь во имя св. Николая (8)

Помещается напротив только что описанной и является готической постройкой, довольно выдержанной в этом стиле. Вообще надо отметить, что для изучения архитектурных стилей церкви Кронштадта дают большой материал. Здесь имеются две лютеранские церкви романского и готического стилей, католическая в виде Пантеона, Морской собор – копия св. Софии в Константинополе, и церковь в псевдорусском стиле, так называемом петушином, Владимирская; кроме того, есть любопытная церковь Богоявления в стиле русской готики, если так можно выразиться. Эстонская церковь освящена 28 июля 1868 года.

Мечеть (9)

По той же Петербургской улице, через квартал, помещается на углу небольшой деревянный двухэтажный домик, на одном из флюгеров которого приделан серп месяца; он так мал, что обыкновенно и не замечается.

Лютеранские церкви свв. Николая и Елизаветы

Это и есть магометанская мечеть. Но поднять и эту эмблему разрешили только 17 февраля 1905 года. До этого времени полагали, что появление луны на крыше домика будет оскорблять религиозное чувство православных обитателей Кронштадта.

Церковь Богоявления (10)

К означенной церкви и нескольким достопамятностям в этой местности (11–14) экскурсия не подходит, а знакомится с ними издали. Вся эта восточная часть Кронштадта является наиболее возвышенной частью острова и до сих пор еще зовется «горою» и «песками». <<В Петровское время, – говорится в «Описании С.-Петербурга и Кроншлота 1710 года», – еще замечательны два огромные старые дуба – большая редкость в этих местах. Его царское величество с первой минуты своего учреждения на острове содержит их в особом почете и приказал обнести палисадником, а в тени их устроить маленькую сквозную беседку, откуда прекрасный вид на море и на рейды, в которой он пирует в летнее время. На тот же конец в одном из дубов вырублен по приказанию царя небольшой створчатый поставец для стаканов и тому подобному». Дубы эти, конечно, не сохранились до нашего времени, но местоположение их нам известно потому, что в 1722 году рядом с ними царь приказал построить вторую по счету в Кронштадте церковь, морскую Богоявленскую. Церковь эта была освящена 24 мая 1731 года, она была деревянная и имела такую высокую многоярусную колокольню, которая была видна из Петербурга. Церковь эта просуществовала до 1841 года, т. е. 110 лет, когда была за ветхостью разломана. И на ее месте, или вернее в ограде прежней церкви, архитектор Колос построил и поныне существующую деревянную, своеобразного стиля, который я называю русской готикой. Церковь была освящена 23 сентября 1862 года. Среди предметов, хранящихся в ней, были интересны Евангелие 1754 г. и небольшой золотой с эмалью Андреевский крест на белом круглом медальоне из слоновой кости, вставленном в рамку темного бамбукового дерева. Медальон и рамка работы Петра I.

Госпиталь (11)

Занимает громадный участок в северо-восточной части Кронштадта. Главное здание госпиталя выстроено в виде буквы П. Оно состоит из трех больших трехэтажных корпусов (до 60 саж. длиной): двух боковых, западного и восточного, расположенных с севера на юг, и одного среднего, соединяющего середины первых двух. В каждом этаже этих двух корпусов имеется по одному длинному центральному коридору, по сторонам которого расположены палаты. Коридоры освещаются только через окна, находящиеся на концах их, и через стекла палатных дверей.

Одной из особенностей морского госпиталя было то обстоятельство, что он вследствие отсутствия в городе городской больницы обслуживал не только моряков, но и гражданское население, и в госпитале, таким образом, было и женское отделение.

До 1897 года морской госпиталь ничем не отличался от обычного типа этих госпиталей, но в этом году главным доктором был назначен В. И. Исаев. При нем госпиталь превратился из обыкновенной мрачной николаевских времен казармы в благоустроенное лечебное заведение.

Морской госпиталь

С этого времени началась чисто научная деятельность госпиталя. Немало вышло научных трудов из лаборатории и кабинетов госпиталя, и не один из морских врачей вышел на широкую научную дорогу: профессора Чит, Груздев, Вестерник, Поленов, Белоновский, Шор и др.

История госпиталя представляет собой также любопытную страничку из жизни наших медицинских учреждений. Открыт он был в 1717 году; специального помещения для него не было, и он ютился то в деревянных небольших казармах, то в каменных губернских (о них ниже) домах, то в офицерских флигелях, то в оставшихся пустыми дворцах. Неоднократно начинали для него строить специальные помещения, которые строились деревянными и неоднократно сгорали, или постройка велась так нехозяйственно, и здание выходило

настолько сырым, что даже в те времена не считали возможным помещать в них больных. Затем была борьба из-за денег. Каждую ассигновку приходилось вырывать чуть не зубами. Начальство чуть ли не до самого последнего времени держалось гоголевского принципа: «Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет», и на все требования врачей смотрело как на фанаберию ученых людей.

Перед главным подъездом госпиталя в саду построен памятник бывшему главному врачу В. И. Исаеву.

Центральные мясные склады (12)

Построенные незадолго до нашего времени с соблюдением последнего слова техники эти склады обслуживали нужды гарнизона Кронштадтской крепости. Внутренний осмотр их, безусловно, интересен, но для него необходима специальная экскурсия, которая и должна входить в цикл школьных экскурсий местных учебных заведений.

Конспиративная квартира (13)

Это одна из немногих приведенных в известность конспиративных квартир Кронштадта. Она помещалась по Чеботаревской улице, д. №..., кв. №... (номера отсутствуют в оригинале. – *Прим. ред.*). Здесь были розданы бомбы участникам покушения на Кронштадтский военный суд. Заговорщики, когда успели только выйти из квартиры, как были арестованы. Суд их приговорил к повешению. Смертная казнь была произведена и над женщинами, одна из которых была курсисткой Бестужевских курсов.

Дом на углу Богословской и Песочных улиц (14)

Этот дом был одним из первых, занятых красноармейцами при общем штурме Кронштадта 16 марта 1921 года. Дом этот выходит и на Обводный канал, и отступающие кронштадцы поставили на пешеходном мостике, ведущем к классам гальванеров, орудие и стреляли из него в означенный дом. Дом сильно пострадал, были жертвы, среди них грудной младенец; снаряд, убив его, пощадил мать, державшую младенца на руках. Небольшая площадь у Обводного канала вся была завалена трупами осаждавших, но, укрепившись в этом доме, красноармейцы повели отсюда правильную атаку на город.

Сиротский дом (15)

Появился в 1831 году 18 октября как приют для детей, оставшихся сиротами после невероятно сильной холеры, свирепствовавшей в России и в Кронштадте в 1831 году. Затем он постепенно преобразовывался в низшее женское учебное заведение, предназначавшееся для сирот штаб- и обер-офицеров, а на практике и нижних чинов. Местные филантропы жертвовали в приют деньги. Синебрюхов пожертвовал в 1840 году 25 тысяч руб. – эта сумма дала возможность на подаренном Морским ведомством месте построить сперва деревянный, а когда он сгорел, то и каменный дом. Прекрасно себя чувствовала администрация и прикосновенные к приюту лица, для которых «сироты» были предметом эксплуатации. Этот дом является ярким памятником лицемерия былого времени.

Хлебопекарня Морского ведомства (16)

Зародилась 24 марта 1872 года. Неоднократно потом перестраивалась, реорганизовывалась, чтобы быть согласно последнему слову техники. А в настоящее время в этой хлебопекарне, являющейся иносказательно брюхом Кронштадта, хлеб производится механическим путем: механически мука размешивается в тесто, тесто это по особым рукавам идет на стол, где при желании его может резать на караваи механический нож, и с помощью особых тележек оно поступает в печи. Во время нашего голода на этой хлебопекарне было применено очень интересное открытие для просеивания муки. Имевшиеся сита заграничной выработки рвались, ремонтировать их было трудно, и машинист хлебопекарни взял простой лист жести и коловоротом просверлил ряд мельчайших дырочек; получилось нечто вроде сита, которое прекрасно обслуживало хлебопекарню. Производительность этой хлебопекарни такова, что она может вполне обслуживать весь Кронштадт, но бюрократизм все еще силен, и рядом с этой механической хлебопекарней существует ручная работа не у частных предпринимателей, а у казенных учреждений. Эта хлебопекарня должна входить в цикл экскурсий местных учебных заведений.

Новое адмиралтейство (17)

Новое адмиралтейство располагает следующими мастерскими: столярной, строгательной, котельной, купорной, малярной, фанерной, двумя такелажными, двумя шлюпочными, кузницей, парницей для леса, парусной, флажной, опильным заводом, блоковой и мачтовой мастерскими. Самых важных при больших доках мастерских судостроительно-ремонтного характера не имеется, как видим, в Новом адмиралтействе вовсе; поэтому если приходится чинить корпус судна, стоящего рядом с Новым адмиралтейством в одном из больших, принадлежащих к нему доков, то, сняв, например, лист обшивки, надо вести его примерно за две версты в Доковое адмиралтейство, где находятся соответствующие мастерские; совершенно ту же процедуру приходится проделывать со всеми обработанными материалами и шаблонами. Если при этом принять в расчет, что все существовавшие в Кронштадте адмиралтейства, т. е. Новое, Доковое и Пароходный завод (о них ниже), не представляли из себя одного целого, лежащего на общей территории учреждения, совершенно изолированы и даже окружены каменными стенами, причем для прохода в ворота каждый раз требуются письменные пропуски, то не должны казаться преувеличением слова одного корабельного инженера, долгое время работавшего в Кронштадте и утверждающего, что нормальным временем для доставки каких-либо громоздких материалов из Нового адмиралтейства в Доковое и обратно (на протяжении менее 2 верст) является полрабочего дня и что скорейшей доставки при всем желании нельзя было добиться.

Доки Николаевский, Александровский, Константиновский и Алексеевский (18)

Рядом с большими доками в Новом адмиралтействе расположен лесной двор с обширными складами лесных материалов, отделенный от доков дорогой, идущей на стенку Военной и Средней Гавани. Хотя Николаевский док лежит несколько дальше от Нового Адмиралтейства, но он составлял часть его, поэтому мы и говорим о нем в этом месте вместе с другими тремя доками. Николаевский док вдвинут внутрь вод Средней гавани, лишен каких-либо мастерских и расположен так, как будто это не сухой, а плавучий док, который со всех

сторон должен быть окружен водой; подобного второго примера неудобного расположения сухого дока нельзя указать ни на одном заводе или адмиралтействе, – недаром же он был построен в николаевскую эпоху. Он был закончен в 1844 году, и первоначально для выкачивания воды из него были поставлены 2 паровые балансирующие машины низкого давления, откачивавшие воду из дока в течение 4 суток, но впоследствии, при замене помп новыми, этот срок уменьшился до одних суток.

Константиновский док был начат постройкой в 1861 году, закончен в 1876 году, причем обошелся в 2 725 000 рублей, Александровский док начат в 1892 году, закончен в 1896 году, причем постройка обоих этих доков при весьма плохом и неплотном наносном грунте Кронштадта была связана с очень сложными гидротехническими сооружениями: достаточно указать, что некоторые работы пришлось производить на глубине 54 футов ниже ординара. Размеры этих доков следующие:

Константиновский: длина – 490 футов, ширина – 115, средняя глубина – 31 $\frac{1}{2}$.

Александровский: длина – 600 футов, ширина – 124, средняя глубина – 36 $\frac{1}{2}$.

Откачка воды из доков производится с помощью 5 турбин, опоражнивающих каждый док в 3–4 часа. Облицовка доков частью гранитная, частью из тесанной плиты, очень тщательная, так что доки дают очень немного фильтрации.

Наконец, 30 июля 1911 года заложен был пятый док – Алексеевский; его полезная длина 750 футов, общая длина 856 $\frac{1}{2}$ футов, ширина входа 118 футов, средняя ширина 120 футов, глубина на пороге 35 футов. Это один из самых больших не только русских, но и иностранных доков; в прошлом году в него, например, вводился «Ермак».

Говоря об адмиралтействе, о доках, вообще о мастерских Кронштадтского порта нельзя не подчеркнуть одного интересного явления, которое служит блестящей характеристикой «доброты» старого прошлого. До 1860 года работы в Кронштадте производились так называемыми казенными рабочими экипажами, которых счетом было 11 и в которых числилось около 10 000 человек. Рабочие экипажи комплектовались преимущественно из рекрутов, предназначенных к службе во флоте, хотя частью туда попадали и казенные крестьяне, знакомые с ремеслами; срок службы в этих экипажах считался 25 лет, причем каждый чин команды экипажа должен был быть приписан к одному из цехов, имеющих в Кронштадтском порту. Когда же наняли вольнонаемных мастеровых для исполнения всех портовых работ, то число 10 000 человек сразу сократилось до 3917 человек, т. е., другими словами, в течение полустолетия, пока существовали рабочие экипажи с установленным штатом постоянным числом казенных мастеровых, ежегодно совершенно напрасно держалось и содержалось 6083 человека – количество колоссальное. И высшее, и низшее морское начальство того времени без всякого стеснения пользовалось мастеровыми рабочими экипажами для своих надобностей, ничего общего не имевших ни с ремонтом судов, ни с судостроением. Считалось очень хорошим, если $\frac{2}{3}$ всех наличных рабочих экипажей действительно находилось на работах, составлявших их прямые обязанности; обыкновенно до $\frac{1}{2}$ состава рабочих экипажей были переведены, негласным, конечно, путем, в дворники, кучера, сторожа, лакеи, огородники и для надобностей домашней казарменной жизни. Но так как весь громадный штат экипажей содержался за счет ремонта и постройки судов, то, само собой, понятно, во что должен был обходиться этот ремонт.

Пароходный завод (19)

Рядом с Николаевским доком, почти на островке размером 80x150, расположен Кронштадтский пароходный завод, который был начат постройкой в 1847 году и окончен в 1857 году. На оборудование завода было употреблено 3 582 809 рублей. Это был первый по времени пароходный завод.

Машинная школа (20)

Помещается на той же Октябрьской улице, занимая громадный участок по этой улице, Обводному каналу и Бочарной улице. Проходя по Октябрьской улице, нельзя не обратить внимания на чугунную мостовую. Эту мостовую в начале 60-х годов прошлого столетия ввел в практику кронштадтской жизни один из директоров-начальников Пароходного завода, мотивируя необходимость введения такой мостовой ее крепостью и ненужностью ремонта.

Машинная школа Балтийского флота

Машинная школа является одной из многочисленных школ, существовавших в Кронштадте специально для нижних чинов моряков. Дело в том, что морская служба, и особенно служба на большом современном судне, требует от моряка не одного фронта и выучки, но знания. Между тем очень боялись, что образование вызовет столь страшное для бывшего режима критическое отношение. И поэтому общего образования моряку не давали, но его натаскивали по узким специальностям, причем прохождение этой специальности обставляли следующим неизменным условием: максимум практики и минимум теории. Вот и появились машинная школа, минная школа, школа рулевых и т. д. и т. д. Машинная школа начала функционировать с 1885 года, современное здание мастерских школы с очень оригинальным фасадом было воздвигнуто в 1905 году.

Обводный канал (21)

В мае месяце 1783 года в Петербургском адмиралтействе возник пожар, который хотя и окончился сравнительно благополучно, но перепугал Екатерину II, и она поручила адмиралу Грейгу составить проект переноса Адмиралтейства из Петербурга в Кронштадт. Грейг полагал:

«1) отделить в Кронштадте место для адмиралтейства около Петровского дока и обвести его особым рвом или, как его называют, обводным каналом;

2) внешнюю сторону одного рва оградить железным палисадником в высоту 10 и 12 футов с фонарями, расположенными на пристойных расстояниях вдоль палисадника;

3) ставить всех часовых с наружной стороны железного палисадника и в пристойном расстоянии один от другого вокруг всего адмиралтейства; и так часовые, стоящие с наружной стороны одного палисадника во время ночи, с помощью света от фонарей, ясно могут видеть все происходящее внутри рва и примечать, не закрылся ли кто в ров с каким злым намерением, во время зимнее, когда он замерз, да и всякий способ к ухищрению им самим пресечен, равно, как и другим;

4) вокруг адмиралтейства, за палисадником, иметь широкую чистую улицу, где бы никакие прячущиеся зажигатели или вор не могли укрыть себя и притаиться;

5) ров для окружения адмиралтейства сделать в 8 сажен ширины для удобнейшего прохода судов и в каждом углу небольшой резервуар в 10 сажен ширины и 20 сажен длины, дабы барки с лесами могли свободно оборачиваться, которые иногда бывают в 18 сажен длины и больше. Глубиной оный ров полагается быть от 8 до 9 футов ниже ординарной воды, дабы всякое судно, которое через Петербургский фарватер пройдет, могло и в оный войти;

6) во внутренней стороне одного рва расположить магазины и лесные сараи вдоль, подле самого рва в расстоянии один от другого на 15 сажен, которое расстояние полагается быть построено кирпичной глухой стеной к стене рва, равного наружной стороне магазинов;

7) В этих магазинах предположено иметь железные двери в нижнем и верхнем этажах для погрузки и выгрузки припасов и материалов. Этим дверям надлежит быть всегда запертыми, кроме в сих случаях (т. е. погрузка и выгрузка), дабы пресечь всякое сообщение между рвом и внутренностью адмиралтейства; также несколько небольших окошечек с железными решетками и затворами для прохождения воздуха. А если какой злоумышленный человек успеет перейти через палисадник и ров, он еще встретится с каменной стеной и железными воротами, через которые он должен пройти, прежде нежели войдет в адмиралтейство, и едва ли возможно будет ему сделать так, чтобы его не заметили часовые, стоящие на другой стороне рва;

8) обоим же ходам в ров быть закрытыми бонами и решетками, кроме только, когда проходят суда».

«Сей железный палисадник с фонарями и дикий двухфутовый камень, в котором он будет иметь основание во всю окружность адмиралтейства, по моему исчислению обойдутся около 100 000 рублей».

Это мнение адмирала Грейга было препровождено в Адмиралтейств-коллегию, которая с ним не согласилась, настаивая главным образом на том, чтобы обводный, или как тогда называли, «проводной» канал был выкопан не снаружи адмиралтейства, но внутри его. Императрица Екатерина II приняла сторону Грейга, и проводной канал стал возникать так, как он сохранился по наше время. Я подчеркиваю «стал возникать», потому что, принимая во внимание ту поспешность, с которой возник проект переноса адмиралтейства в Кронштадт, можно было предположить, что с таковой поспешностью будут производиться работы.

Но это предположение, конечно, окажется несправедливым. Прежде всего проект переноса адмиралтейства из С.-Петербурга в Кронштадт так и остался проектом: многочисленные адмиралтейские чиновники, проживавшие в Петербурге, вовсе не были расположены менять свое петербургское житье на погребение в каком-то захолустном Кронштадте. Были двинуты в ход все пружины, все влияние, и высочайшая воля о переносе адмиралтейства сама собой аннулировалась. Немалую роль в этом отношении сыграла и цифра предстоящего расхода по переносу адмиралтейства – этот расход равнялся 8 624 208 рублей 50 копеек. «И хотя, – прибавляла коллегия в своем докладе, – оная сумма, конечно, велика, но всемилоусти-

вейшая государыня, конечно, в расположении своем, имея в виду и полагая сделать адмиралтейство города Кронштадта совершенно достаточное с надежнейшей крепостью воссоздательницы сего знаменитого места и величество империи» (т. е. Кронштадта).

Конечно, «слава воссоздательницы» довольно завлекательная вещь, но когда она оценивается в такую крупную цифру, то эта слава незаметно отходит на задний план, проект остается только проектом и работы по выполнению его пойдут черепашьим шагом.

Адмиралтейство не перенесли в Кронштадт, но место под адмиралтейство отвели, начали рыть и Обводный канал. Решетка его со стороны нынешних улиц Карла Маркса и Советской сделана в екатерининское время по рисунку Грейга. Но за все екатерининское время царствования не успели доделать канал, и 16 июля 1798 года был вызов желающих приступить к работе 128 сажен проводного канала, начали эти работы в апреле 1799 года и окончили в 1800 году.

Деловой двор (22)

Тянется вдоль восточной части Обводного канала, имея вход с Октябрьской улицы. На нем находились обширный Канатный завод и электротехнические мастерские. 8 февраля 1896 года Канатный завод сгорел.

Летний сад (23)

Летний сад возник в 1809 году, когда были скуплены помещавшиеся на его месте частные участки с садами и соединены в один общий сад. Срединная аллея сада происхождения более раннего, она остаток еще Петровской перспективы, служившей продолжением Петербургской улицы, пересекавшей овраг и шедшей к бывшему центру Кронштадта – так называемой линии губернских домов. На горке, сохранившейся до нашего времени, долгое время помещался питейный дом. Тут же неподалеку был петровский домик, как кажется, точная копия саардамского домика. По приказу одного из кронштадтских начальников этот домик «из-за ветхости» был разобран – характерный образчик нашего отношения к памятникам старины. Первое время своего существования Летний сад был местом общественного гуляния, по воскресеньям и праздничным дням в нем играл специально командированный от морских частей оркестр. Затем часть сада была отведена для дачи военных губернаторов, далее отвели значительный участок под сад летнего помещения Морского собрания, а в части, оставшейся в общем пользовании, разрешили устроить ресторан, и сад принял очень неприятный характер.

Памятник погибшим на клипере «Опричник» (24)

24 июля 1858 года клипер «Опричник» вышел из Кронштадта в кругосветное путешествие, 28 ноября 1861 года было получено от него последнее известие. Таким образом было ясно, что клипер погиб в Индийском океане во время свирепствующих там бурь. На клипере погибло 8 офицеров, 14 унтер-офицеров и 73 нижних чина. 31 октября 1873 года в Летнем саду был открыт памятник, который состоит из довольно большой гранитной скалы, утвержденной на гранитном фундаменте. Сверх скалы лежат переломанный якорь и цепной канат. В скале на самом верхнем крае водружен флагшток с приспущенным военным флагом, конец которого красивыми складками облегает скалу. В скале на бронзовой доске вырезаны имена погибших офицеров и число нижних чинов и унтер-офицеров.

Электрическая станция морского ведомства (25)

Эта станция является характерным примером неумения в былое время «экономить». Вместо того чтобы открыть одну большую станцию, которая могла бы удовлетворить электричеством весь небольшой городок, разрешали каждому ведомству открывать свои станции, и таким образом в Кронштадте имеется ряд электрических станций.

Губернские дома (26)

Июньская улица, а ранее Макаровская и Поморская, по своей правой стороне имеет линию так называемых губернских домов, т. е. тех домов, которые были выстроены при Петре на средства существовавших тогда губерний в России. О постройке этих домов остался указ следующего содержания: «Объявить всем губернаторам, чтобы каждый сего года (указ дан 10 марта 1714 года) приготовили, а в будущем начали строить каменные дома, а именно с пяти дом по двору в год». По этому расчету в один год должен был быть построен 31 дом. На самом же деле только к 1724 году было выстроено 47 домов, как значилось в описи. Дома эти, как мы говорили, сохранились по наше время, но с некоторыми видоизменениями: в настоящее время это трехэтажные дома, соединенные между собой заборами. При Петре нижний этаж представлял собой галерею аркадой, нынешние заборы также были галереей, за этими галереями помещались лавки. Таким образом, в первом этаже петровских домов должен был быть первоначальный Гостиный двор, а галереи были предназначены «для гуляния публики в дождливую погоду». Во втором и третьем этажах были казармы и отводились помещения для офицеров. Внешний вид петровского губернского дома сохранился в Кронштадте в доме, выходящем на угол проспекта Ленина и площади Мартынова и обозначенном на нашем плане под № 55.

Артиллерийские мастерские (27)

Помещаются по той же Июньской улице, на стороне, расположенной к гавани. Они отличались всегда тщательным оборудованием, соответствующим последнему слову техники, и обслуживали всю крепостную артиллерию Кронштадта. По Июньской улице мимо этих мастерских идут рельсы железной дороги, которая обходит кругом всего города и заходит на все так называемые сухопутные форты. Постройка этой железной дороги началась в 1861 году, когда было сделано 3226 сажен железных дорог; первое время движение вагонов по ней производилось людьми, затем была открыта городская станция, и движение стало производиться паровозами.

Арсенал (28)

На месте Арсенала в дни Петра была проложена далеко в гавань дамба, ведущая к устроеному на сваях посреди гавани каменному дворцу Петра. Каков был этот дворец, долго ли он существовал, когда разрушен – мы этого не знаем и можем лишь высказать предположение, что кронштадтский дворец мог походить на известный Подзорный дворец Петра в Петербурге.

Самый же Арсенал в Кронштадте впервые появился 27 декабря 1809 года, когда Александр I повелеть соизволил учредить в Кронштадтском порту близ штурманского училища Арсенал для помещения в нем разного оружия. Когда и где был построен этот Арсенал –

нам неизвестно, нынешнее же здание с пирамидами ядер вокруг него и с расставленными снаружи орудиями появилось в 1836 году. В былое время в Арсенале был ряд интересных моделей, а также старинных орудий.

Дом главного командира порта (29)

И этот дом является перестроенным и неоднократно отремонтированным домом петровского времени. Главный ремонт был сделан в 1853 году, когда этот дом был отведен под квартиру для великого князя Константина Николаевича, который был сделан генерал-адмиралом и по своей должности обязан был довольно часто приезжать в Кронштадт. И вот для этих приездов с затратой громадных сумм и был отремонтирован и переделан старый петровский дом. Затем он был отведен для квартиры главного командира порта, и, конечно, каждый новый командир и ремонтировал и исправлял его на свой образец. Последний кронштадтский командир адмирал Вирен был убит около этого дома в Февральскую революцию.

Петровский парк (30)

За время революции получил название Парка Свободы. Еще в 1752 году на его месте было значительное болото, и вызывались желающие «в Кронштадте против его императорского величества дворца, между параллель линиями и берегом от дворцовой пристани, перенести из Красной улицы и из бассейна от бугров глины значительное количество кубических сажен».

Петровский парк

Ко времени Николая I это место было превращено в плац-парадную площадь, по торжественным дням здесь устраивались парады, смотры, а в будни довольно часто производилось и наказание шпицрутенами. Шпицрутенom – слово немецкое, но вполне акклиматизированное у нас в России, – назывался прут, толщиной такой, что в дуло ружья можно было

опустить только три шпицрутена. Прутья брались с березы, черемухи, мочились в уксусе, соленой воде, кипятились, приобретали крепость, жесткость, упругость. Такими шпицрутенами снабжались солдаты и выстраивались в две шеренги, образуя так называемую зеленую улицу. Преступника, приговоренного к наказанию шпицрутенами, раздевали по пояс и привязывали руками к дулам двух ружей; за эти ружья два солдата вели преступника через так называемую «зеленую улицу». С левой стороны шло начальство, с правой – врач. Когда наказываемый проходил мимо стоявшего в шеренге солдата, последний должен был ударить наказываемого шпицрутенном по спине изо всей силы. Начальство шло для наблюдения, чтобы солдаты били как следует, не делали поблажки. А доктор шел с другой стороны вот для чего – на двухсотом, трехсотом ударе спина наказываемого обращалась в сплошной кровоподтек, наказываемый лишался чувств, тогда доктор говорил: «довольно».

Памятник Петру I в Петровском парке

Наказание прерывалось; наказываемого отвозили в госпиталь, там залечивали его спину и снова отводили на плац-парад дополучить недоданное число шпицрутенов. А так как присуждали к нескольким тысячам ударов, то бывали случаи, что наказываемый бывал 5–7 раз на наказании. Но обыкновенно на 500 ударе человека забивали насмерть. Наши самодержцы, начиная с Елизаветы Петровны, кичились, что в России нет смертной казни, и с легким сердцем подписывали приговоры к 5, 7 и даже 10 тысячам шпицрутенам. В этом отношении особенно отличался Николай I. В праздники плац-парад, в будни шпицрутены, а на Масленицу на этой же площади устраивались для простонародья горы, на которых изредка каталась и благородная публика. В 1861 году Н. И. Валуев разбил Петровский парк. Парк был разбит по смешанной голландско-французской системе разбития парков. В 1882 году стали устраивать вокруг парка существующую поныне решетку. В 1905 году устроили фундамент из цоколя и бетона для «полуденной пушки» – т. е. той пушки, из которой делают холостой выстрел в 2 часа дня.

В 1872 году выстроили вновь помещение для ресторана на берегу гавани – этот ресторан был известен среди кронштадцев под именем «Бекеши».

Памятник Петру Великому (31)

Посреди главной аллеи Петровского парка, лицом к гаваням, возвышается памятник Петру I, открытый 27 мая 1841 года. Памятник этой работы малоизвестного у нас скульптора Жако очень любопытен: Петр изображен после полтавской победы. После постановки этого памятника площадь, а потом и парк получили название Петровских.

Каменная пристань (32)

Пристань, находящаяся в Петровском парке, предназначалась для приезда высокопоставленных лиц. С нее можно очень хорошо обозреть находящиеся здесь гавани Кронштадта.

Кронштадтские гавани (33, 34, 35, 37)

В 1710 году значительное число пленных шведов назначено было собирать камень для будущей гавани, а в 1712 году началась ее постройка по первоначальному плану, который в 1715 году был заменен новым, впоследствии выполненным и существующим до сегодняшнего дня.

Нужно прежде всего подчеркнуть следующие особенности при построении гавани: 1) незначительность количества людей, 2) невозможные условия жизни и обстановки рабочих людей и 3) недостаток материалов и средств.

Если следить по указам, помещенным в полном собрании законов, то число рабочих было более чем достаточное. Так, в декабре 1715 года последовало распоряжение «отослать на Котлин для открытия гаваней Московской, Архангелогородской, Казанской, Нижегородской и Азовской 31 486 человек». Но если от указов обратиться к табелям рабочих, которые велись на Котлине, то мы увидим, что большинство указов не выполнялось и число рабочих было более чем незначительно.

Затем обратим внимание и на такое обстоятельство. 28 ноября 1717 года Петр выговаривает главному строителю гаваней: «Понеже я слышал, что при Гаваной работе посоха (т. е. присланные из губернии рабочие люди) так без призрения и особливо больные, что по улице мертвые валялись, а от больных и ныне остаток вижу, милостыни просят». Мертвые рабочие валялись около работ в гавани и, очевидно, это были не единственные случаи, а многочисленные, так что это обстоятельство дошло и до Петра. На недостаток материалов и средств указания делаются подрядчиками чуть ли не ежедневно, и самым характерным подтверждением служит указ Петра, чтобы ломались на доски приходившие в Петербург суда – доски шли на гаванное строение.

Гавань делалась, конечно, деревянным строением – забивались два ряда шпунтовых свай на расстоянии друг от друга, равном ширине будущей стенки, вода выкачивалась и пространство между сваями заполнялось камнем, глиной, фашинами. Стенка возвышалась над уровнем моря настолько, чтобы она не заливалась. На стенке делались соответственные расширения для укрепления, для постановки орудий. Стенку эту неоднократно ремонтировали. В 1859 году, после крымского поражения обратили серьезное внимание на кронштадтские гавани и по далекому промеру оказалось, что на водной площади внутри тогдашних деревянных стенок гавани глубина колебалась от наибольшей в 22 фута до наименьшей в 4 фута. Работы по углублению гаваней до 28 футов были сданы подрядчику Бенардаки за 2475101 рубль и произведены им в течение 10 лет, причем за все это время было вынуто 196

678 пудов. В том же 1859 году была начата по частям постройка превосходных гранитных набережных и стенок, равных которым по прочности и массивности нет ни в Англии, ни в Германии. Постройка стенок была закончена в 1882 году и обошлась в 4 300 000 рублей.

Стоя на пристани, легко указать на Лесную гавань (33), самую отдаленную, затем угол Военной гавани (34) – место сосредоточения наших военных судов, и Среднюю (35), самую обширную часть гавани, в этой Средней надо отметить ворота, через которые проходят суда.

Башня Меншикова (36)

Она началась постройкой в 1842 году и продолжалась до 1850 года, в каком году было произведено ее вооружение. Эта казематированная башня предназначалась для главной защиты Средней и Военной гаваней, но с изобретением дальнобойных орудий, конечно, значение ее как укрепления пропало, и последнее время она была превращена в морскую тюрьму и как таковая была подожжена во время февральских событий.

Купеческая гавань (37)

Отделяется от Средней гавани выводной частью Петровского док-канала. По стенке этого канала доходим почти до конца Средней гавани, здесь имеется так называемый понтонный разводной мост, пройдя который попадаем на наружную стенку гавани и можем дойти до вышеуказанной башни Меншикова. Она названа не в честь петровского Меншикова, а его потомка, морского министра при Николае I, который отличался острословием, причем не щадил и самого себя. От этой башни представляется дивный вид на Кронштадт. Для прохода к этой башне надо иметь специальное разрешение.

Так как в настоящее время Коммерческий порт окончательно переведен в Петербург, то Купеческая гавань представляет из себя интерес только исторический, она – воспоминание о той блестящей поре Кронштадта, когда в этой гавани стояли в несколько линий громадные пароходы (максимум, который мог поместиться в гавани, – 36 пароходов), когда на рейде ожидало своей очереди до 20 пароходов и когда часть Купеческой гавани, наиболее мелкая и носившая название «каботажной», была вся битком забита барками, плашкоутами с лесом, когда в гаванях была такая теснота, что трудно было подвести к пароходу литер – так называются неглубоко сидящие судна, на которые перегружали груз с океанского парохода, чтобы доставить его в Петербург.

В 1910 году экспорт, т. е. вывозка леса из Кронштадта, выразился в сумме 10 518 555 рублей, а импорт угля в Кронштадт – в сумме 124 254 634 рублей и во время навигации пришло 794 парохода.

Мы считаем здесь нужным более подробно подчеркнуть существовавшую аномалию Купеческой гавани, о которой мы уже вскользь заметили при справке о Морском канале. Эта аномалия очень характерна для былой дореволюционной России.

Самостоятельного кронштадтского коммерческого порта юридически не существовало, так как в общем списке торговых портов он не значился, не имея портового управления и присутствия по портовым делам; в действительности же, как показывала сама жизнь, он не только существовал, но и занимал выдающееся, чуть ли не первое место среди других портов России по своей обширной торговой деятельности; но при этом он был в печальном состоянии необорудованности, имел малые размеры гаваней и был административно неблагоустроен.

За неимением портового управления и начальника порта функции последнего были возложены на командира внутренней брандвахты, который хотя и являлся почти во всех случаях начальником, но прав никаких не имел. В отношении технического оборудования порта

встречаются также немалые затруднения. Во время, например, штормовых погод брандвахта за неимением парохода, обладающего хорошими морскими качествами, бывала положительно в критическом положении, не имея возможности оказать помощь даже судам, терпящим аварию. Надо было иметь плавучие средства вроде больших баркасов, чтобы во всякую погоду выходить на рейд как для соблюдения портовых формальностей, так и для оказания помощи в случае аварии с судами. Необходимо было иметь также паровой коллектор для подъема барок, лодок, якорей или вообще всего того, что затонет на фарватере, в гавани или в воротах. Затем были необходимы водолазы, которые были бы в постоянной готовности; в особенности это было важно в таких случаях, когда, например, рабочий упадет во время работы в воду. Кроме того, порт должен был иметь ледакол и пожарно-спасательный пароход.

Министерство торговли и промышленности, ввиду того что кронштадтский коммерческий порт находился в ведении Морского министерства, не имело законных данных для снабжения порта всеми необходимыми средствами; Морское же министерство, не заинтересованное в коммерческой деятельности, все же давало личный состав для брандвахты, помещение, плавучие средства. В содержании несуществующего юридического коммерческого порта, таким образом, участвовало два министерства!

Дом Миниха (38)

Дом Миниха, так же как и дом главного командира порта, является одним из губернских домов. Когда Миних взял главенство в военно-морских делах России и должен был по службе наезжать в Кронштадт, то, конечно, он не мог останавливаться где-нибудь, ведь у Меншикова, бывшего главы Ингерманландии, был в Кронштадте свой собственный дворец, носивший название «Итальянский дом», и один из губернских домов на так называемой скобе и переделали для Миниха. В последнее время здесь помещалось портовое управление. С этим домом связана кронштадтская легенда, что в подвалах его находили цепи и скелеты замурованных людей.

Мужская гимназия (39)

Для нее было отведено помещение во дворе бывшего Миниховского дома, выход со двора на нынешнюю Коммунистическую, бывшую Княжескую улицу. Она была открыта 23 октября 1862 года.

Электро-минная школа и классы (40)

Рядом с гимназией, в том же самом здании, с 1 октября 1874 года стали функционировать офицерские минные классы. Долгое время преподавателем физики был Попов, открывший беспроволочный телеграф. Его лаборатория до сих пор сохраняется в электро-минной школе, заменившей после революции офицерские минные классы. В одной из круглых башен здания был устроен колодец, и здесь производились опыты с минами.

Мужская гимназия

Женская гимназия (41)

Была открыта 1 сентября 1868 года. Для ее помещения Морским министерством был отведен один из ветхих казенных домов. Помещение было неудобное, городское самоуправление сперва арендовало, а потом и приобрело в собственность дом для женской гимназии, который и был переделан согласно требованиям педагогики и школьной гигиены. В настоящее время здесь помещается лучшая трудовая школа города.

Морской манеж (42)

Морской манеж представляет собой длинное одноэтажное здание, построенное в 1837 году недалеко от оврага, по самому оврагу разбит сад. Манеж был устроен, чтобы в нем в сырое и холодное время производилось учение моряков. Затем 19 ноября 1861 года в манеже была освящена церковь Во имя св. Николая, таким образом, в одном и том же здании матросы должны были и маршировать, и молиться.

Петровский док-канал (43)

Представляет собой наиболее любопытное гидравлическое сооружение, являющееся в то же время лучше всего сохранившимся памятником петровской эпохи. Сущность этого петровского изобретения заключается в следующем. Когда Петром Великим был прорыт канал, устроены шлюзные ворота, то перед ним возник вопрос, как освободить канал от воды, когда будут закрыты шлюзные ворота и корабли будут стоять на своих предназначен-

ных для ремонта местах. Паровой машины в то время не существовало, и даже через 30 лет после смерти Петра высказывалось такого рода соображение: «Самая большая трудность была б преодолена, когда б такое количество воды из доков в короткое время вылить». Указав на трудность, Люберас, известный инженер того времени, окончивший постройку Петровского канала, подчеркивал: «И неимоверно слышать было, что найдена такая машина или способ, чрез который от такой великой огромности воды, а именно 275 000 сороковых бочек весом в 8 930 597 пудов, через 24 часа в доке ничего не останется». В этой тираде очень важно подчеркивание, что автор еще не только не знает о существовании паровых насосов, но, видимо, сомневается в возможности их изобретения. При Петре Великом откачивать воду можно было помпами, приводимыми в действие или людьми, или животными, или ветряными мельницами. И на осушение такого дока этими способами нужно было 3—3 ½ месяца, а так как наш навигационный период длится около 6 месяцев, то половину его корабль стоял в доке бесполезно, ожидая, когда же док осушится. И Петру Великому пришла в голову простая, но гениальная мысль, воплотить которую в жизнь можно было только с помощью существовавшего тогда крепостного бесплатного труда. Посреди росной местности Петр Великий выкапывает чуть ли не 15-саженной глубины овраг, который начинается недалеко от дока; по этому оврагу проведена канава (92), с большим уклоном. В конце оврага был устроен бассейн (93), вместимостью равный 1 ½ дока; указанная выше канава, которая с помощью особых шлюзных ворот соединялась с доком, впадала в бассейн. Док закрывался от моря воротами; открывались шлюзы в канаву, и вода из дока вследствие крутого оврага, по которому шла канава, в 24 часа выливалась в бассейн; таким образом, через 24 часа после введения корабля в док он делался сухим и можно было приступить к ремонту. Ремонт продолжался 3—3 ½ месяца, т. е. то время, которое нужно было употребить, чтобы осушить указанный выше бассейн. И когда ремонт корабля оканчивался, бассейн был пуст. Опять открывали ворота дока, док наполнялся снова водой, отремонтированный корабль выводили из дока, на место его вводили новые, нуждающиеся в ремонте корабли, опять запирали ворота и снова той же канавой и бассейном осушали док. Такого гидравлического сооружения мы не знаем нигде на свете.

Этот док-канал должен был быть не единственным каналом в Кронштадте. Наоборот, город Кронштадт должен был быть городом каналов. По проектам Петра I, существующий док-канал должен был быть продолжен во все четыре стороны и доходить до моря, затем третий канал предполагался приблизительно по нынешнему Северному бульвару, западный его конец доходил до моря, а противоположный впадал в четвертый канал, ему перпендикулярный, т. е. параллельный имеющемуся ныне в действительности каналу. Этот четвертый канал должен был проходить от нынешней оборонительной казармы на Северном бульваре до паровозного завода, конечно, приблизительно, так как точных планов расположения этих каналов не сохранилось.

Каналы так и остались в проекте. Работа первого из них, петровского док-канала, начавшись в 1719 году, закончилась только в 1752 году. При этом интересно и следующее обстоятельство: место, избранное для канала и бассейна, было густо застроено, так что пришлось снести 141 дом, принадлежавший жителям. Апологеты Петра при этом восхищаются: «Вообще при осуществлении своих гениальных предначертаний Петр не стеснялся». Восхищение это неуместно, и, не возражая против гениальности Петра, нужно просто-напросто отметить, что в этих отношениях Петр действовал без плана, без предварительных соображений; если бы были сделаны предварительные изыскания, то, конечно, можно было бы канал несколько отодвинуть, пощадив имевшийся городской поселок. Таким образом, первоначальный Кронштадт был уничтожен при рытье канала, а то, что осталось от него, как мы увидим ниже, исчезло после, при Екатерине II.

Постройка канала, шедшая медленно при Петре I, приостановилась совсем при Петре II, согласно следующего, как тогда говорили, коллежского, т. е. составленного Коллегией по морским делам, определения от 24 марта 1729 года. «По-прежнему коллежскому определению, – читаем мы в журнале коллегии, – определено: положено было при Кронштадте в военной гавани делать будущей весной каменную стенку и того строения сего года летом не делать, а строить будущего 1730 года». Если находили возможным на год отсрочить постройку каменной стенки военной гавани, то весьма понятно, что о канале заботы были еще меньше: канал с одной стороны засыпался, а с другой – заливался водой и от наводнений, и от дождя. Со вступлением на престол Анны можно было ожидать изменения взгляда на Кронштадт и на морской флот. Резиденция из Москвы снова переносилась в Петербург, понятно, что и заботы о границах должны были усилиться, хотя первое время, 7 октября 1731 года императрица приказала приостановить работы в Кронштадте до ее возвращения, а 13 февраля 1732 года был и состав управления флотов и Кронштадтом. Пока новые лица не знакомились с делом, дело, и до того скрипевшее по всем швам, не налаживалось. Наконец, 17 апреля 1732 года был сделан доклад особой комиссии о постройке Кронштадтского канала. В начале своего доклада комиссия приводит очень подробную справку о том, что было сделано при Петре, и что предполагалось сделать. Оказывается, существовал проект при выходе канала в море устроить на нем нечто вроде «Родосского колосса» – башню-маяк, так чтобы корабли проходили под этой башней, опирающейся на обе стенки канала. Но нужно думать, что едва ли Петр предполагал серьезно устроить такой маяк – в стратегическом отношении было бы нелепостью указывать неприятелю на доки, на гавань. Вернее предположить, что это был один из тех проектов, которыми Петр Великий удивлял Запад и которые дальше гравюры с изображением не шли. Анна «апробовала» план комиссии, строителем был назначен большой техник того времени Люберас. Но все же постройка шла очень медленно; только в 1751 году, т. е. через 32 года после начала работ, канал был закончен, но церемония его открытия, т. е. выпуск воды в сухой канал, произошел 30 июля 1752 года.

«27 июля 1752 года Елизавета Петровна благополучно прибыть изволила, – писалось в таком возвышенном тоне в современных известиях, – из Петербурга в Кронштадт, а 30 июля поутру, по отслужении в соборной церкви Апостола Андрея божественной литургии, Всесвятейшего синода чины и прочие архиереи и архимандриты и священники со всем причтом из оной церкви шли процессиею со крестами и со святыми иконами на устье канала, где сделана была Иордань. Ее императорское величество, в провождении их императорских высочеств, синода, сената, иностранных послов, придворного штата, кавалеров первых 5 классов, дам первых двух классов к тому ж устью канала пешком шествовать изволили. Для присутствовавших при церемонии открытия сделаны были по обе стороны устья канала две деревянные галереи длиной 70 фут, шириною 12 фут, снаружи галереи были выкрашены под камень с различными архитектурными украшениями. Ближе к устью канала стояли две деревянные пирамиды высотой 45 ½ фут., раскрашенные под камень и металл. По освящении канала императрица взошла в галерею, на устроенное для нее с особою роскошью место и (надо обратить особое внимание на это место, так как оно ясно характеризует, с каким холопством, подобострастием относились в то время к царям. -77. С.) соизволила освященною ее императорского величества рукою (рука у царицы была тоже освященная! – 77. С.) изготовленною на то нарочно машиною воду в канал впустить. А понеже по выпуске от ее императорского величества в канал через реккеты воды немедленно пошли и тотчас большой щит поднят был и через галерею вода пущена и тогда по данному от множества труб и литавров знаку нарочно при том поставленных трех сигнальных пушек выпалено три раза, почему при радостном восклицании множества собравшегося при том народа как с кронштадтской крепости, так и из всех гаваней выстрелено из 1331 пушки. И тако с помощью

Всевышнего вся церемония благополучно окончилась, и вода в канал пошел через 24 часа оный весь наполнила».

В этом описании, повторяем, очень характерном для того времени, особенно интересны два момента: первый, когда Елизавета пустила воду в канал. Люберас, строитель канала, придумал особую сложную систему рычагов, с помощью которой, нажав слегка последний рычаг, можно было отворить громаднейшие, в несколько сот пудов, главные ворота канала. Более чем вероятно, что этот рычаг, или, как его называли в то время, «машина», валяется где-нибудь или на деловом дворе, или в каком-либо сарае докового адмиралтейства. Затем второй момент, когда стреляли из 1331 пушки три раза подряд, т. е. было сделано 3993 выстрела. Крепкие были и нервы, и уши у наших предков, когда этот грохот доставлял для них своего рода удовольствие!

«Императрица, приняв поздравления, – оканчиваем современное описание, – возвратилась во дворец, где генерал-шефа барона Любераса, яко трудившегося при деле оного канала, пожаловала орденом св. Андрея Первозванного. Люберас был приглашен к высочайшему столу вместе с некоторыми из придворных, а остальные лица обедали у их императорских высочеств в Итальянском дворце. Вечером был бал в Итальянском дворце, на котором присутствовала и императрица. Эскадра, стоявшая на рейде, была иллюминирована».

Канал Петра Великого имел форму длинного креста или, как тогда писали, «представлял фигуру наподобие длинного креста, в котором, позади трех пар шлюзов и одних шаддоров, столько место на степели устроено, что на оных поставить можно в зюдской длинной части пять, а в трех кратчайших частях тоже пять больших военных кораблей. Все оное сооружение имеет от устья канала до конца бассейн 2 версты 50 сажен, от наружных шлюзов канал простирается в море 358 сажен русских или 417 английских. Стенки покоились на особом фундаменте, сделанном из многих тысяч крепких толстых свай, вбитых до материка; на эти сваи делался настил, на котором укладывался фундамент, так что фундамент заделан на 8-11 футов ниже морского дна (нельзя забывать, что в то время не имели и понятия о кессонных работах. -77. С.). Наружные и внутренние стены этого канала и дамб сделаны из тесанной доброй плиты, а около шлюзов, шаддоров (т. е. впускных ворот. – 77. С.) для лучшей крепости из больших тесанных диких камней, которые скобами с заливом свинца укреплены и с цементом кладены». Сообщив о цементе, автор описания, по всей вероятности, сам барон фон Люберас, счел нужным добавить: «Оный цемент в Кронштадте особливим искусством делается, который и военным строениям весьма полезен, ибо гораздо крепче в воде держит, нежели голландский гемерейский, хотя ценою не более осьмой становится части против оного». Похвала этому цементу не является преувеличением. Когда в 1855 году приступили к капитальной переделке Петровского дока, которая и была закончена полностью в 1860 году, то пришлось для разборки стенок канала прибегнуть к пороку – инструментами невозможно было сломить эти стенки. В 1861 году была разобрана на протяжении 18 сажен оконечность дамб канала Петра в том месте, где они входят в Среднюю гавань, ввиду узости существовавшего до тех пор прохода и невозможности подводить большие суда к входу в канал. В это время, видимо, исчезли и те деревянные, полуразрушенные пирамиды, которые были поставлены на конце дамбы при Елизавете.

Андреевский собор (44)

Первоначальный Андреевский собор в виде деревянной церкви был заложен на так называемой скобе в 1717 году. В 1742 году эта деревянная церковь пришла в такую ветхость, что ее перенесли в один из удержавшихся домов, в то помещение, где была мужская гимназия.

Морской телеграф (45)

На краю бывшего Итальянского дома выстроена башня для морского телеграфа. На мачту этой башни во время навигации выставляются флаги, которыми и делается различная сигнализация. Во время последних событий на мачте часто появлялся особый флаг, извещавший кронштадтцев, что к Кронштадту летят вражеские аэропланы и что приходится приготовляться к этой встрече.

Итальянский дом (46)

Это здание петровского времени в течение своего существования носило различные названия и предназначалось для различных целей. Строилось оно как дворец для Меншикова, который был губернатором Ингерманландии и, следовательно, главным начальником и Кронштадта. И так как постройка этого дворца производилась мастерами, выписанными из Италии, то за этим домом удержалась кличка Итальянский дом или даже Итальянский дворец. Затем, когда страшный пожар Васильевского острова уничтожил и здание Морского корпуса, то последний был переведен в Кронштадт и помещен в Итальянский дворец, который был, конечно, перестроен для нужд учебного заведения. Еще ранее, но когда, к сожалению, пока не выяснено, были уничтожены галереи, находившиеся в первом этаже и представлявшие собой галереи первого Гостиного двора в Кронштадте, который занимал, а может быть только должен был занимать, первый этаж Итальянского дворца. В историческом очерке Морского корпуса, составленном А. Кротковым в 1901 г., на с. 85 помещен рисунок М. Баришева «Морской корпус в Кронштадте в царствование Екатерины II». Изображенное на этом рисунке здание не вполне соответствует нынешнему, причем, если считать главным тот фасад, который поставлен на рисунке, то выходит, что имеющаяся и в настоящее время башня морского телеграфа помещалась будто бы на другом конце; но, может быть, главный фасад на рисунке показан боковым, и тогда башня соответствует настоящей. Оговоримся, что к графическим изображениям XIII века надо относиться очень скептически: в большинстве случаев они представляют вовсе не то, что было на самом деле, а то, что было в проекте и что очень часто так и оставалось в проекте, не будучи проведено в жизнь. Но, во всяком случае, воспроизведенный рисунок Баришева походит на современный фасад: украшения фасада, колонны остались и до сегодняшнего дня. Морской корпус оставался в Кронштадте до восшествия на престол Павла, когда он был экстренно переведен в Петербург, а Итальянский дворец, который уже в это время носил название Казенного инженерного каменного дома, был пожалован Павлом «адмиралу Крузу в вечное потомственное владение». Владел ли Круз этим домом, мы не знаем, но так как он умер в 1799 году, то нужно полагать, что этот дом был снова куплен у его наследников в казну. В 1843–1848 годах он подвергался очередной перестройке для помещавшегося в нем Штурманского училища. Это последнее в 1872 году вошло в состав Технического училища Морского ведомства, которое и помещалось в этом здании вплоть до революции. Затем это здание, точно мячик, перебрасывалось из учреждения в учреждение; одно время здесь располагался отдел народного образования г. Кронштадта, потом центральная библиотека, потом курсы командного состава, пока в 1922 году значительная часть этого здания не выгорела от неизвестно по какой причине возникшего пожара. Из второго и третьего этажей этого здания развертывается дивный вид на гавани и Кронштадтский рейд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.